

Юлия Зубарева
Наследники

Юлия Зубарева

Наследники

«Издательские решения»

Зубарева Ю.

Наследники / Ю. Зубарева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-938092-0

В 766 году от основания Города император Юлий Август Октавиан освятил Алтарь Мира и провозгласил права граждан Pax Romana. Прошли столетия. Римская империя рушилась. Скупые летописи едва успевали перечислять трагические события. Где-то между страницами потерялся ответ на вопрос: почему же Pax Romana не канул в лету? Ответ лежит там — на страницах исторических манускриптов. Осталось поднести к любопытному глазу линзу. Магия? Нет. Немного мистики. И далекие события оживают на наших глазах.

ISBN 978-5-44-938092-0

© Зубарева Ю.
© Издательские решения

Содержание

От порога I	6
Послесловие	23
Пламя войны	24
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Наследники

Юлия Зубарева

© Юлия Зубарева, 2018

ISBN 978-5-4493-8092-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От порога¹

Сосны в лесу за домом роняли на землю тяжелые шишки. Стук приглушался толстым слоем пожухлой старой хвои. Иголки опали, десятилетиями копились между крепких корней. Деревья росли на скалистых склонах прибрежного отрога Тавра. Считались красой и гордостью края. Его золотом. Его хлебом.

– М-м! Как вкусно пахнет! – в маленький внутренний дворик вышла молодая женщина в эксомиде, поверх которой набросила на плечи тяжелое пестрое покрывало. – А это что еще за промысел, милочка? – она обратилась к другой. Та обустроилась прямо посреди двора в импровизированной мастерской. На единственном столе рядом теснились неказистые глиняные фигурки: мужские, женские, звериные. Ну, как? Отдаленно похожие на что-то. Мастерица закончила лепить хвост, пристроила в ряд еще влажную птицу.

– Я вынула хлеба с пода. На вертеле – поросенок. Остальное – сами сообразите, – испачканные глиной руки прошлись по добротному хитону. Сосредоточенный взгляд даже ни на миг не оторвался от поделок.

– Все понятно. Наша Virgilia опять не в духе! – ее собеседница фыркнула, пожала плечиками. – Быть может, ты тоже решила заняться чем-то полезным?

– Куда глину ставить? – во двор вошел плотный мужчина. Можно было бы сказать: могучий. Гладко выбритое, с правильными чертами лицо, черные кудри, туника – его принимали за типичного римского вояку. Впрочем, он когда-то и в легионе служил.

– О, Корд! Она и тебя припахала?

– Поставь в тень. И благодарю тебя, – Virgilia осторожно сняла со стола поднос с глиняными фигурками, перенесла его в угол двора, куда Корд дотащил кадку со следующим замесом.

– Она меня не припахивала. Мне же несложно. Прекрасно выглядишь, Эритея.

– О, ну хоть одно доброе слово с утра!

– Это для тебя – утро. Так-то уже скоро полдень, – тем временем Virgilia вернулась, тщательно убрала разведенную грязь.

– Я – купаться! – голос Эритеи дрогнул от обиды.

Обычное утро. Как сотни других. Только Virgilia, что называется, ушла в себя и возвращается, судя по всему, не собиравшись. Она устроилась в тени портика, где продолжала сосредоточенно лепить из кусочков красноватой глины что-то непотребное. Руки женщины, казалось, просто не приспособлены для такой деликатной работы. Но ее упорства хватало. Как всегда. Корд постоял, молча посмотрел на мучения, вздохнул:

– Пойду, вина принесу.

– Вино закончилось, – не отрываясь от дела, буркнула Virgilia.

– Как?! Там же еще целый пифос оставался!

– Ага. Только Тиль вчера с Симоном засиделся. Увлеклись беседой о прекрасном. Наутро я застала их в животном состоянии. Сказала все, что думаю. Вот они в город и сбежали. Восстанавливать потраченное.

– М-да! Что-то я начинаю жалеть, что пропустил самое интересное, – Корд почесал нос, вздохнул, посмотрел на голубое безоблачное небо, вздохнул еще раз. – Эх! Поросенок-то, говоришь, готов? Жрать хочется. А запивать нечем. Вот, где эти двое? Эй! Ты что творишь?!

Под руками Virgilia фигурки разом высохли, а потом по ним забегали огненные язычки.

– Иди-ка ты, милый друг. К Эритее. Спинку ей потри, что ли?

¹ Alimine (лат) – «От порога» – означает начало чего бы то ни было.

– Ладно, ладно, – в их маленькой семье они уже научились понимать, когда не стоит лезть под руку ближнему. Корд ушел. Женщина еще некоторое время понаблюдала за танцем саламандр, потом легким взмахом заставила их исчезнуть. Ну да. Магия. Что ж тут удивительного? Проверив, что все глиняные уродцы стали достаточно твердыми, мастерица осторожно уложила их в плетеный короб, подхватила приготовленные заранее лук, колчан со стрелами, опоясалась ремнем с кинжалами, покинула двор.

На мало приметной полянке в лесу тщательно развесила свои поделки по веткам, расставила то тут, то там. Солнечный диск неподвижно висел на небе, наверное, пытался разглядеть, чем же это все закончится. Легкий ветерок заставлял висящие фигурки чуть раскачиваться. Виргилия наложила стрелу на тетиву, сосредоточилась. И тут что-то изменилось вокруг. Дуновения ветерка закружились. Сначала неуверенно свистнула одна глиняная птичка, потом вторая. Засвистели все разом. И тут же какофония сменилась тягучей печальной мелодией. Женщина улыбнулась.

– Смотри-ка! Наша грозная воительница свиристелок понаделала!

– Тиль! – целясь стрелой, Виргилия резко повернулась к валуну, на котором застыл ее собственным отражением светловолосый лучник в простой тунике. Несколько бесконечных мгновений двое целились друг в друга.

«Убить? Толку-то? А, ведь, могу. И рука не дрогнет. Нет, не дрогнет», – кривая улыбочка растянула губы лучницы. Порыв ветра растрепал ее рыжие пряди, добавил тревожные ноты в мелодию. Женщина сосредоточенно отправила стрелу в полет. Железный наконечник с резким всхлипом заставил расколоться первую глиняную фигурку. Тут же стремительно прозвучал каскад тинькающих звуков. Напевный свист оборвался.словно молоточек пробежал по металлическим пластинкам, перевел музыку в иное звучание. Едва последняя стрела достигла своей цели, показалось, или мелодия не получила своего завершения? Несколькими резкими бросками Виргилия избавила свой пояс от ножей, добила последнюю глиняную безделку подхваченным с земли камнем.

– Вот. Как-то так, – она удовлетворенно потянулась. – Увлелась. Сделала на одну больше.

– Жаль, – все время воинственных аккордов Тиль устроился на камне. Его лук куда-то пропал. – Свиристелки ветряные. Это же настоящая лесная флейта получилась.

– Да я так – руки занять было нечем. Надоело просто по целям стрелять. Вина-то купили?

– Купили, купили, красавица. Уж купили, так купили! – балагур, музыкант, поэт – Тиль легко соскочил с камня, помог собрать ножи и стрелы. – О, смотри-ка! – в его руках оказалась глиняная птичка с отбитым клювом. – Эх ты ее неласково. Корду, пожалуй, отдам. Пусть ей серебряный клювик сделает, я на ней еще поиграю. Эритейка сказала, что ты нынче смурнее тучи. Не в пифосе же дело?

– Да Небо с ним – с пифосом! Я что-то чувствую. Что-то такое... Не знаю. Хотела у Симона спросить, а вы нажрались до поросячьего визга.

– Не только ты чувствуешь, – сквозь лукавые смешинки в серых глазах Тиля проступило нечто. Огромное, как весь этот мир. – Я Симону об этом ночью рассказывал. Напролет. Вроде, понял он.

– Теперь еще бы и нам понять, – Виргилия вздохнула. Они приблизились к их общему дому. Еще год назад и дома-то здесь не было никакого. Именно тогда Симон произнес, как припечатал: «Ну что же. Как говорят римляне, начнем от порога. Построим себе жилище. А заодно каждый поучится использовать свои новые силы». Славный, надо сказать, домик получился. Ага. С четвертого раза. Так получился же! Во дворе, за столом сидело трое. Тиль с Виргилией присоединились к компании.

Пять волшебников. Пять странных существ. Очень разных, но так похожих друг на друга. Не семья. Хотя, вот – отец и дочь. Тиль и Эритея.

Тиль – проказник, озорник, казалось, никогда не знал печали. Бродил по Бретани, распевал песенки на праздниках, тризнах, в гостевых домах. Замолкал только у дольменов, да и то ненадолго. Потому что надолго оставаться среди менгиров он не мог. Наваливалась сонливость, голова клонила к холодному камню, и ни разу песенник и балагур не позволил себе остаться в круге. Он помнил слова друида, который застал его за кражей арфы из котомки на заднем дворе гостевого дома. «Да, ты будешь петь. Это голос Древней крови. Детей богов. Бери арфу, мальчик. Может, она удержит тебя на входе в Полые Холмы». Тиль делал вид, что не слышит, как шепчутся за его спиной досужие кумушки: «Прямо Бальдр». Потому что помнил, как погиб юный бог от стрелы, отравленной завистью богов. Певец сам легко посылал стрелы в полет. Те находили цель – даже самую невероятную. В голодные времена приходилось останавливаться в какой-нибудь деревне, ходить с мужчинами на охоту. Еще Тиль умел говорить на языке своих предков, но никогда не пользовался этим. Зверей, что приходили на зов, убить не поднималась рука. Бродя по лесам, певец встретил девушку в ослепительно белых одеждах. Незнакомка кормила с руки оленюху с олененком. Звери скрылись в чаще. Прекрасная фея родом из Полых холмов осталась. Возможно, двое тогда не произнесли ни слова. Скорее всего, сама эта встреча явилась песней ветра и птиц. На рассвете Тиль пробудился в одиночестве. Безысходное чувство потери бросило певца по следу. Та, что пришла к нему эхом, видением, оказалась рабыней знатного римлянина, и тот ее увозил, увозил, увозил! Сперва на юг – в Массалию, а оттуда – в далекую Иудею, префектом которой уезжал служить этот римлянин. Повозка спешит быстро. Корабль идет по волнам споро. Человеку потребовались годы, чтобы приблизиться к своей мечте. Когда корабль отошел от причала Эпира, Тиль стоял на носу, счастливо вдыхал соленый ветер. В душе все пело: скоро, уже скоро он увидит ее! Но недалеко от Тира корабельщики засуетились, гортанно зазвучали команды, тревожные взгляды устремились в небо. А небо – купол драгоценной топазной синевы – внезапно помутнело и обрушилось на мореходов бурей.

Тиль очнулся на берегу, среди камней. Один. Опять один. Он помнил, как тонул в золотом сиянии. Потом пришел шелест волн, крики чаек. Кто-то рядом плакал. «Ох ты, горе мое», – пробормотал певец. И наткнулся на ошарашенный взгляд зеленых глаз. «Горе? Твое?». Оба не сразу поняли, что разговаривают на Древнем языке.

Эритеей назвала новорожденную девочку мать. Хозяин был добр, не возразил. Он, вообще, был очень добр к странной вольноотпущенной. В доме все знали, что эта галатка могла успокаивать внезапные приступы гнева, которые год от года становились все чаще. Эритея росла, скорее как дочь, чем как рабыня. Ей позволялось многое. Даже купаться в бассейнах, соединенных между собой водопадами. Вода в Иудее – дорогое удовольствие. Можно подумать, что префект из Рима специально построил водопровод в Йершалаиме, чтобы позволить себе водопады на вилле. Даром, что каждый не превышал двух локтей, но как сладостен был шелест прохладной воды! Мать научила Эритею разговаривать на Древнем языке своей родины, видеть в отражении знаки доброты и гнева духов. А потом мамы не стало. Она зачала вдали от галльских лесов. Остался только покровитель, который все чаще задерживался в шумном, хлопотном, суетливом городе Йершалаиме. Эритея не повстречала знаменитого на всю Иудею пророка – Иисуса из Назарета. Когда патрона снова задержали уже привычные беспорядки, она, в водной глади, увидела: римский префект склонился к чаше с водой, омыл в ней руки, что-то произнес. Алой мутью расплылась в чаше кровь. Девушка вскрикнула, видение пропало. Эритея смотрела слепыми от слез глазами на струи, уже зная: этого немногословного человека запомнят здесь именно таким: палачом, посылающим на казнь. А не благодетелем, не тем, кто привел воду в эту суровую землю. По возвращении на виллу, патрон совсем замкнулся в себе. Эритея осталась на попечении домашних рабов. Удивительно ли, что девушка бранилась на арамейском не хуже, чем насылала проклятия на Древнем языке! А потом выяснилось, что она умеет исцелять, что ей ведомы тайны трав и настоев. Вра-

гов поубавилось. Хозяин, повинувшись каким-то своим мыслям, удочерил Эритею. Но та так и не смогла назвать этого человека отцом. Как и не смогла назвать приемной матерью его тихую жену Прокулу. Вскоре царь Иудеи Агриппа выслал сурового префекта. Но тот не взял с собой приемную дочь. Наверное, понимал, что ссылка в Галлию для него ничем хорошим не закончится. Эритея осталась в собственном доме в Птолемаиде – крупном портовом городе Иудеи. Увы, не только она помнила о приемном родителе. Об этом вспомнили ее соседи, когда три года назад началось их восстание против Рима. Глупое, безнадежное – его начали бродяги и бездельники, с гордостью именующие себя зелотами – непримиримыми. Безжалостно они убивали всех, кого считали отступниками от закона Моисея. Эритее пришлось бежать в Тир. Там она пристроилась работать в лавке с ароматами и пряностями. Римляне, разумеется, не смогли проигнорировать уничтожение зелотами нескольких своих гарнизонов. Новый император Рима Веспасиан начал настоящую войну против целого народа. Война так и была названа римлянами – Иудейской. Не щадили никого. Когорта одного из легионов вошла в Тир. В иудейском квартале вспыхнул пожар, по улицам города полилась кровь. В том числе – кровь Эритеи. Вслед за пожаром пришла ужасающая буря с моря. Да! К морю! Прочь! Прочь отсюда!

К утру буря улеглась. Как растаяла темнота от боли и слабости в глазах несчастной. Эритея склонилась над прибрежной волной. Ужас! Привычное зеркало воды не отразило даже тени! Рядом кто-то застонал. Была ли их встреча случайной? Да нет. Не бывает таких случаев.

Квинт Цецилий Пий Корд был назван в честь знаменитого деда. Сын римского сенатора, он не знал голода, жил на склоне Квиринала, прямо напротив Палатинского холма, считал жизнь простой и незамысловатой штукой. Его будущее предопределено. А когда придет зрелость, он заменит отца в сенаторском кресле. Позади младшие магистратуры. Квестура прошла скучновато: бесконечные судебные тяжбы граждан, суета, сутолка судов. В эдильстве оказалось и того зануднее: строительство дорог, надзор за подрядчиками, грузы мрамора для храмов, пыль, потные рабы, созидающие великий Рим. Утешение приносило вино, игры на аренах и мечты о подвигах. Римлянин не может быть истинным гражданином без армии. Вот в армию-то и выпросился Квинт, причем – в Азию. Галлов Цезарь разбил. Божественный Август покорил Египет. Для подвигов оставалась только Азия. Квинт отбыл в Антиохию, чтобы вступить в знаменитый Шестой легион. От Пергама путь лежал через горы. Так уж случилось, что страшная гроза застала его в двух переходах от лагеря. Казалось, остановись, пережди! Нет, что-то заставило мчаться вперед, отметать прочь доводы разума. Квинт, с детства приучаемый держать в узде свои чувства, на этот раз бросился в бурю, очертя голову. Грохот обвала разнесся эхом в горах. Конь без всадника прибежал под утро на постоялый двор. Оплакивать упрямого римлянина никто не стал. Квинт пришел в себя на дне ущелья. Рука заледенела от струй маленького ручейка. Дорога лежала чуть выше по склону. Надо только выбраться и добраться до своих. Навсегда забыть то, что привиделось в горячечном бреду. Но как такое забудешь?! Корд видел себя, в этом не было сомнений: он – всадник – мчится на черном коне, а за спиной разрушается мир. И сердце бьется в такт цокоту копыт.

У простого фракийского вождя радостей, вроде, немного, только каждая – бесценна. Свобода, племя, дочь. Единственная, между прочим. Виргилией назвал. На римский манер. А что делать? Когда перед племенем встал выбор: погибнуть от рук римлян, стать их рабами или заключить военный союз, отец принял правильное решение. И даже получил римское гражданство. А потом и женился на римлянке. Среди своих девочку называли княжной. По привычке. Это вовсе нескучно: носится сломя голову верхом по горам, драться с сыновьями отцовских дружинников, раз в год ездить с отцом к тайному храму Митры Сияющего. Женщины оставались на постоялом дворе. Мужчины уходи в пещеры. После ночного моления проводилась охота на кабана. Вот где даже сердце пело! Ничего не изменялось год от года. Разве что отец заикнулся о том, что пора бы подумать о замужестве. Мужчины отбыли к пещере. Подумать? О замужестве? Не на ночь же глядя! Женщины посидели у очага, разошлись спать. Незадолго

до рассвета на постоялый двор напали разбойники. Нянька велела бежать к сараю, где стояли кони. Виргилия не стала спорить. Нянька же не знала, что к седлу у княжны приторочены ножны с мечом. Сарай оказался пуст. Пока княжна нашаривала в темноте стойла, дверь кто-то захлопнул. Запахло дымом. Довольно быстро помещение наполнилось чадом. Почти тут же языки пламени горячо облизали стены. Уже второй месяц стояла жара в предгорьях. Буря тоже совсем некстати примчалась из-за мглистых вершин. Вот и занялось – не успели ахнуть. Впрочем, некому ахать. Разбойники скрылись в грозе, оставили за собой тела убитых. Не уцелел никто. Никто не видел, как прямо из яростного пламени вышла женщина, облитая золотой кипенью. Князь вернулся с мужчинами под утро, горько оплакал дочь. Даже каких-то грабителей на крестах по ущельям развесил. На римский манер.

Каждый из них умер. Чтобы остаться в живых. Чтобы встретиться с высоким худошавым мужчиной на берегу Срединного моря рядом с развалинами древней Эмессы. О чем ты думал, Симон-маг, увидев четверых – свой ужас и свою судьбу? Наверное, когда-нибудь ты признаешься в этом. Расскажешь, как рассказал о своем видении в пламени очага в простой таберне Амниссоса – крупного порта на острове Крит. Может, пришло время?

– Помните нашу первую встречу? – Симон ни на кого не глядя, покрутил в руках кубок.

– Согласно правилам риторики, подобный вопрос не требует ответа, – Корд нахмурил густые брови.

– Мне важно, чтобы вы вспомнили мою историю, рассказанную вам.

– Это когда вы от бури в порту спрятались? – Виргилия покусывала губы. Симон кивнул.

– Ты шел из Алесандрии в Массалию. На своем корабле вывез нескольких беженцев.

Среди них – мужчина с женой и ребенком. Он говорил, что ищет свою мать – Марию из Магдалы, – Эритея глянула на Тиля. Тот кивнул. – Эта семья была из общины этих... Александрийских терапевтов. Там гонения на них устроили. Вот он и подался к месту, где жила его матушка. С ними был друг... Максимин, да?

– Все верно. В Александрии тогда... Много что случилось. В том числе – колдовской поединок, в котором я проиграл и погиб. Красиво погиб. И тут – ожидание бури, жуткое ощущение страха. За себя? Меня все считали мертвым, чего еще бояться? За своих спутников? Так, вроде, с ними все в порядке. Я – повелевающий духами огня, воды, воздуха, земли и эфира – почти всесилен. А тут испугался.

– И заглянул в огонь могучий маг. А там лишь саламандры и бардак, – не удержался Тиль.

– Там ты увидел смерть каждого из нас, – Эритея пнула отца под столом. – А потом послал стихийных духов, и те привели нас к тебе на встречу. Кстати, вот душевнейшая тебе благодарность за деликатность. Я, между прочим, увидев ундину, решила, что все – безумие и видения отныне мой удел. Если бы вот он в этот момент не взлетел с ровного места в воздух, наверное, еще раз умерла бы.

– Что ж ты не сказала, что такая впечатлительная, дочка?

– Я вообще ничего не могла сказать!

– Простите. Мне было важно, чтобы вы обязательно пришли. Я счел такой метод... Убедительным, – голос Симона прозвучал тихо. И он по-прежнему ни на кого не смотрел. – Весь этот год я искал ответ на вопрос, что же тогда произошло.

– Нашел? А-а! Так ты нашел! – Виргилия резко подалась вперед. Не заметила, как по ее коже заструились сполохами пока еще едва ощутимые огненные блики.

– Виргилия! Держи себя в руках! – Корд с хрустом сжал каменеющие кулаки.

– В последние дни каждый из вас все больше и больше уходит в свою стихию. И вот: слушайте, – маг достал из рукава свиток. – Мне передали его буквально на днях. Я же говорил, что искал. Попросил давних знакомых присылать. Пророчества. Это написано как раз в тот день, когда вы все погибли. «Я был в духе в день воскресный и слышал позади себя голос...». Это текст написан отшельником с острова Патмос. Наверное, неважно, как его зовут. Но тут

говорится о четырех Всадниках. Они несут смерть и разрушение. Когда они придут, этот мир погибнет.

– Но мы уже здесь. И мир, вроде, еще цел, – спокойно произнесла Виргилия, вернулась на свое место. Все вздрогнули. Ощутили: несколько мгновений над двориком висел полог плотной, немой тишины. Его сдернули резким движением. Полог рассыпался на сонм простых, привычных звуков: треск цикад, приглушенные удары тяжелых шишек о землю, шелест деревьев, птичьи голоса.

– Вы еще не стали Всадниками. В этом наша надежда. Пока каждый из вас остается человеком, пока вы все разом не растворитесь в своих стихиях так, что я не смогу вас вернуть, пока ваши чувства не возобладают над каждым из вас, есть надежда. Но это делать будет тем более сложно, что мир вокруг жаждет, ждет – в ужасе и трепете – но ждет своего конца. На этом зиждется вера людей в справедливость. Это, как вы понимаете, навечно.

– И что делать? – Корд, как всегда, нуждался в конкретном решении конкретной задачи.

– Жить. Да. Думаю, жить. На заре времен такое уже случалось. Первый Разлом. Этот мир сотворен по Слову Бога. Если Слово нарушается, всему наступает конец. По Своему Образу и Подобию Он создал тех, кого называют Сынами Божьими. Для них Он установил закон: «Нельзя поклоняться никому, кроме Его Самого». Но был сотворен человек. И Бог призвал ангелов и велел им поклониться человеку. Один – Первый, хранитель Закона – воспротивился воле Творца, но исполнил букву Закона. И был низвергнут прочь. Тогда Сыновья Божии разделились на Падших и Верных, и архистратиг Михаэль стоял на лестнице с огненным мечом. И была битва. Мир не остался прежним. После низвержения Падших потомки Сыновей Божьих скрылись с глаз в холмах и лесах. Они могли... Да и сейчас могут... Творить волшебство, – Симон покивал, будто заметив как переглянулись Тиль с Эритеей. – Тогда же появились звери, алкающие крови человеческой и способные надевать человеческое лицо.

– Оборотни, – Тиль резко выдохнул.

– Их по-разному описывают и называют. Но да. Все они умеют превращаться. Тогда же духи стихий были разделены и теперь могут попадать во власть человека, – тонкие длинные пальцы мага шевельнулись, словно творя заклинание. И четверо почувствовали, как уходит напряжение, готовое вырваться из каждого. – В Амниссосе я увидел Второй Разлом. Который предопределил конец этого мира «по вере людской». На этот раз Творец позволил людям изменять саму основу этого мира. «И будет Царствие на Небе как и на земле». Зверь, вышедший из вод, на этот раз оказался как человек. Он может обращать в себе подобных, нуждается в крови человеческой и страхе. Падшие и Верные теперь могут приходить к людям и вести битву за их веру. Никаких больше лестниц. Все здесь и сейчас. В каждом. И между всеми – вы.

– Мы, – Корд привстал, налил себе вина. – Ты себя-то тоже не сбрасывай.

– Я не хочу! – Эритея соскочила. По ее лицу текли слезы.

– Ну, ну, дочка, – Тиль тут же оказался рядом, прижал ее к своей груди. – Тут ведь как? Выбора-то нету.

– Хорошо. Пусть получают то, во что поверили! – хищная кривая улыбочка Виргилии не предвещала ничего хорошего. Никому.

– Ты сначала почитай, что получают. И реши, желаешь ли ты уйти в небытие вот так, – Симон осторожно положил свиток на стол. – Есть и привлекательная сторона такой нашей жизни, – маг очень аккуратно подбирал слова. – Каждый из нас владеет волшебством. Убить любого из нас, как показала практика, возможно, но на следующий день мы возвращаемся. Так что, априори – бессмертны. Мы свободны в выборе занятий.

– О! Слышишь, дочка? Что хотим, то и творим!

– Думаю, что ограничения придется себе поставить, – Симон слабо улыбнулся. – Не стоит сильно увлекаться в использовании своих сил. Это приближает вас к стихийному...

– Бедствию, – Эритея перестала всхлипывать, хохотнула.

– Я хотел сказать: состоянию. От него до Всадника, как я понимаю, меньше шага. А так, да. В остальном все в нашей воле.

– Ладно. Поживем – увидим, – Корд допил вино из кубка. – Ну, чем займемся сегодня?

– Я, пожалуй, почитаю, – пока ее никто не опередил, Виргилия схватила свиток, выско-чила из дома.

Цикады совсем обезумели: треск стоял такой, что уши глохли. Тем не менее, мягкие, почти бесшумные шаги Виргилия расслышала издалека. Интересно, как Корд умудряется ходить почти неслышно? При его-то телосложении?

– И что пишут? – мужчина уселся прямо на мягкую хвою: Виргилия сбежала со свитком из дома в лес.

– Ужасы всякие, – страшный текст давно был свернут, упакован обратно в тубус.

– Ты же что-то задумала.

– Симон сказал: «жить». Делать, что пожелаем. Вот я и хочу уехать.

– Ну, это-то я понял. Хотелось бы знать, куда ты собралась? Чтобы ненароком не пере-сечься.

– Тоже в дорогу потянуло?

– Так ведь война совсем рядом. Я... Я просто чувствую.

– Ее зов? – женщина кивнула головой. – А я не чувствую, я вижу. Как глаза закрываю, так и вижу. Гору, полыхающую огнем. Симон считает, что он у нас самый умный. Ничего, я быстро учусь. Это пророчество написал один из последователей пророка Иисуса. Только они его называют Сыном Божьим. Эти последователи – иудейская секта. Одна из тех, что ждут своего доброго царя – Мессию. А вторая иудейская секта – zeloty – устроила драку с римля-нами. И то, что уже тьма народа – их народа – погибла, вождей не останавливает. Почему? Чего они добиваются?

– Те люди, которых Симон вывез из Александрии – терапевты. Они тоже из последова-телей этого Пророка. В Александрии их египтяне камнями побивали, хотя жили себе люди общиной и жили. Правила своей общины взяли у иудейских ессеев. И это еще одна секта в Иудее. В Кумране живут. Симон рассказал.

– В том-то и дело! Симон знает гораздо больше нас вместе взятых! И это выводит меня из себя! Я не желаю быть марионеткой в его руках! – Виргилия соскочила с камня. Корд ухва-тил ее за руку:

– Стой! Никто не собирается быть марионетками. А я хочу знать, что ты придумала!

– Знаешь, – они замерли: глаза в глаза, – Если убить Симона, сутки – слышишь? Сутки! Никто нас не сможет сдерживать. И я могу вывести нас всех – каждого – из себя настолько, что уйти в свои стихии для любого из нас покажется благом. И все.

– Что тебя останавливает?

– Любопытство. И вредность. Хочу, чтобы вы тоже помучились, – резким движением Виргилия выдернула руку из лапищи Корда, развернулась, стремительно направилась к дому. У входа столкнулась с рабом-носильщиком. Раб разгружал свою тачку: седла, сумки, куча вся-кой полезной дорожной мелочи. – Ага! А вот и мой заказ! – женщина потеряла руки.

– Седла? А кони? – Корд не отстал от подруги по несчастью. Теперь стоял рядом, при-вычно хмурился.

– Кони? Мне нужен только один. Мой, – Виргилия замерла, прикрыла глаза, а потом резко выдохнула: – Иди сюда, – и столько нежности было в ее голосе, что мужчина застыл, ошарашенный. Из-за поворота выбежал рыжий крепкий жеребец. Женщина открыла глаза, улыбнулась ему навстречу: – Сполох.

Раб-носильщик что-то уронил.

– Как ты это сделала? – Корд застыл натянутой струной.

– А ты не понял? Если тебе нужно, стоит только позвать, – никогда еще в этом доме не видели такого лица Виргилии: оно лучилось счастьем. Женщина что-то напевала, уверенно оседлала Сполоха, привязала его у входа. Раб поспешно сгрузил весь товар, пробормотал что-то невнятное, почти бегом со своей тачкой скрылся в направлении городка. Виргилия носилась по двору, погруженная в сборы. За ее метаниями недоуменно наблюдала Эритея:

– Куда-то собралась, дорогуша?

– Да. Хочу понять, чем так впечатлил отшельника с Патмоса этот... Армагеддон.

– Недалеко от Птолемаиды есть долина. В ней – убогая деревушка. Ар-Мегиддо. Долина мертвая. Говорят, там когда-то была битва. Между Египтом и Ассирией.

– А ты не знаешь, из-за чего в этой Иудее весь сыр-бор? – Виргилия не собиралась отказываться от своих планов. И раз Эритея могла знать что-то полезное, стоило из нее это вытрясти. Быть может, даже попытаться. Эх! Мечтам не суждено сбываться! Высокомерная волшебница на этот раз просто кивнула:

– Если честно, я не сильна в истории. Расскажу как понимаю. Иудеи всегда жили племенами. Они называют их «коленами». Пастухи. Кочевники. Ни городов, ни укреплений – ни к чему им это. Но сотни лет все колена истово верили в своего Единого Бога. И этим разительно отличались от народов вокруг. За это отличие иудеям и доставалось. Их постоянно кто-то завоевывал, уводил в плен. Собственно, в плену, в Египте появился их пророк Моисей. Что-то он понял, наверно. Что надо народ как-то объединить, чтобы противостоять соседям. Так появились Скрижали Завета и Моисеев закон. В этом законе прописано все-все-все: как жить, что есть, пить, как детей рожать, как имена давать. Не без сопротивления иудеи этот закон приняли, начали его исполнять. Если возникали какие-то разногласия внутри колена, шли к действующему пророку, который являлся главным жрецом их Бога и единственный имел право говорить перед Богом за весь народ. У иудеев никогда не было никаких храмов. Переносная скиния – и все. Считалось, что присутствие Бога – Шехина – просто есть. Но тут народы вокруг расселения иудейских племен стали объединяться в крупные империи. Каждое такое государство норовило подчинить самовольных кочевников-пастухов. Иудеи, видя неэффективность сопротивления возрастающему давлению, пришли к своему очередному пророку и потребовали: «Дай нам царя!». Тот и дал. Саула. Говорят, красавчик-мужчина был. Ну, и воин, естественно. Саул быстро победил всех врагов. Ему, кстати, здорово помог его зять Давид. Логично, что после смерти Саула именно зять сел на престол. Иудеи не просто любят Давида. Это для них идеальный правитель, совмещающий военные победы и служение закону Моисея. Этот закон не был создан для государства. Там ничего не сказано о разделении служения Богу и служения царю. Давиду, очень мудрому человеку, удалось балансировать между священниками саддукеями и собственным тронем. Именно Давид основал на ничейной земле Йершалаим. И перенес в него Скинию Завета. Говорят, шел впереди и плясал. Голым.

– Это имеет значение? – Виргилия усмехнулась. А, что? То еще, наверно, было зрелище!

– Имело значение, что, будучи царем и первосвященником в одном лице, Давид запретил приносить кровавую жертву везде, кроме как на специальном алтаре во дворе Скинии.

– Хитро! Значит, теперь все иудеи должны были для этого приезжать в Йершалаим? Новую столицу.

– Ну да. Давид еще хотел храм построить. Но во сне Бог ему велел оставить это сыну. Сын оказался послушным и храм построил. Звали этого сына Соломон. Строили, кстати, приглашенные из Тира каменщики. Ими руководил Хирам Аббиф. Этого Хирама убили и похоронили под фундаментом.

– А чего иудеи сами не строили?

– Я же рассказываю! Они – народ кочевников! Что эти пастухи могли построить? К тому же, у них каждая суббота – праздник. Шаббат. Работать нельзя. Затянулась бы стройка. Словом, так появился Храм. Именно что с большой буквы. Так как единственный. Там

было много религиозных споров, что теперь с Шехиной? А как же с единением с Богом вне Храма? Тут из священников-саддукеев выделилось крыло фарисеев. Которые стали древний закон Моисея приспособлять к новым... Веяниям. Саддукеи сопротивлялись, естественно, но спорщики пришли к договоренности: внутри самого Храма все останется строго по закону. А вот во дворе – вводите новые обычаи, праздники – что хотите. Там целая война, между прочим, случилась. Уйма народа погибла. Но договорились. А империя Давида встала костью в горле у соседей. В частности, у Вавилона. Царь Вавилона с непроизносимым именем решил покончить с беспокойными соседями. Иудеи называют его Навуходоноср. Он покусился на святость Храма: приказал выдать священные сосуды. Священники не поняли, в чем смысл, спокойно выдали. Обоз с золотыми и серебряными изделиями Навуходоноср увез в Вавилон. Обычно, при таком осквернении, у всех народов вера в отчих богов падает, народы теряют волю к сопротивлению. Не иудеи. У них же – Шехина! То есть, Бог вокруг, и весь народ пребывает в Боге. К тому же, Скрижали-то Навуходоноср не требовал. Свою ошибку вавилонский царь понял очень быстро, собрал армию, осадил Йершалаим и воевал, пока не разрушил Храм по камешку. Скрижали пропали. Никто не видел, что они были уничтожены, но они исчезли. Иудеев массово увели в Вавилон. Так они не шибко-то огорчились. Заниматься торговлей, ремеслами и по-прежнему пребывать с Богом можно где угодно. Там даже снова пророки появились. Цари-то из колена Давидова кончились. Вавилон в свою очередь завоевали персы. Кир, называемый Великим, отпустил иудеев из Вавилонского плена. Кое-кто даже вернулся и испросил разрешения у Кира построить на прежнем месте «что-нибудь». Кир был занят другими проблемами – разрешил. Не запретил, в смысле. Дальше понятно: пока Персия противостояла Греции, пока Македония вставала на ноги, иудеи воспряли и зажили себе спокойно. С финикийцами повоевывали за портовые города. Жили себе. Из Македонии пришел Александр Великий. Этот вообще прошел мимо Иудеи. Еще бы! Впереди была Персия и Индия. Какая уж тут Иудея? А вот после смерти Александра Иудея оказалась между потомками двух полководцев: Птолемеями и Селевкидами. Кто бы из них куда ни шел воевать друг против друга, Иудея всегда была в спину. Наконец, во время очередного договора, ее разделили.

– Логично, – Корд шурился, покусывал губу – настолько внимательно следил за рассказом.

– Совершенно случайно Йершалаим отошел к Селевкии. А греки поступали просто: захватывали город, в имеющемся храме устанавливали статуи своих богов, перед статуями – алтари и начинали резать на этих алтарях жертвенных животных. Когда в Храме Йершалаима пролилась кровь, иудеи восстали. Их возглавил Иуда Маккавей с сыновьями. И так хорошо он сражался с Селевкидами, что те бросили все и ушли прочь. Потомков Маккавея иудеи уговорили стать царями. Те отказывались, мол, мы же не из колена Давидова. Иудеи соглашались, конечно, но в результате уговорили.

– Эх! Меня там не было! Я бы тоже – уговорился! – Тиль хрустнул хрящиком, шмыгнул носом

– Можете, конечно, меня перебивать! – Эритея фыркнула.

– Нет-нет, мы внимательно тебя слушаем. Если хочешь, я кого-нибудь убью, – Виргилия показала кулак «кому-нибудь». Тиль зажал собственный рот ладонями. Двумя. Для верности.

– В Израиле начала править новая династия. Конечно, случались междоусобицы, во время которых и развелись зелоты – несогласные. А в народе благодаря этим зелотам поселилось ожидание конца этого мира и появление «правильного» царя – Мессии. Тем временем Храм отстроили заново. Маккавеи не претендовали на статус первосвященников, как прежние цари. Да и куда им? Всей религиозной жизнью народа начал заниматься Синедрион. То саддукеи были сильнее, то фарисеи – кого цари поддержат, кому позволят собирать храмовую дань, тот и сильнее. Во время очередной такой междоусобицы наследники Маккавеев умудрились пригласить третейским судьей в своем споре за трон замечательного человека – Гнея

Помпея, – рассказчица со значением глянула на Корда. Тот кивнул. Вдохнул: все, что касалось Рима, до сих пор царапало сердце. – Тому Сенат Рима велел пиратов победить, ну и берег моря обезопасить для римских провинций в Азии на пятьдесят тысяч шагов. Кстати, не дошел Помпей до Тигранокерта. Наверное, тот находится от моря дальше, чем эти пятьдесят тысяч. Царь Армении Тигран, говорят, очень обиделся. Помпей великодушно позволил ему быть «другом Рима». Селевкии повезло больше – она вошла в римскую провинцию Сирия. И тут – гонцы из Иудеи. Ну, Помпею не жалко. Развернул свои легионы, подошел быстрым маршем к Йершалаиму. И вместо того, чтобы посадить уже на трон кого-то из братьев, назначил царем Иудеи вельможу из Идумеи – злейшего врага иудеев. Идумеев те ненавидели чисто и незамутненно. Было за что, кстати. Нового царя звали Ирод. На радостях тот устроил Гнею Помпею осмотр Храма, как главной достопримечательности Йершалаима, его сердца. Помпей – простой человек, зашел в сам Храм и во время осмотра умудрился войти в Свята Святых – Кодеш а-Кадашим – место, где когда-то находились Скрижали Завета. А входить туда может только первосвященник, один раз в год, на Йом Киппур, чтобы воскурить фимиам. Всех прочих полагается за святотатство убивать на месте. Таков закон Моисея. Царь идумеянин, конечно, убивать римлянина не стал. А народ на Рим обозлился окончательно: врага царем поставили, святую безнаказанно осквернили. Зелоты сразу против Рима иудеев начали настраивать. А те и рады стараться. Еще бы! Все же Мессию ждут. Со дня на день. А тут еще один нюанс: каждый подданный Рима обязан раз в год принести жертву живому богу – императору. Не подчинение – оскорбление величия, которое в Риме наказывается смертью. Собственно, из-за этого в Александрии и случились массовые казни иудеев, – на этот раз Эритея бросила быстрый взгляд на Симона. Тот кивнул. – Тут уж зелоты своего не упустили: нападения на римлян, убийства стали почти постоянными. Многие иудеи, кстати, глядя на все эти беспорядки, ушли жить в довольно замкнутую общину. Называются ессеями, живут в Кумране. Наверное, единственные, кто по-настоящему закон Моисея соблюдает. А царь... Ему и с Сенедрионом нельзя ссориться – у тех в руках духовная власть, огромные деньги, и перед римскими префектами постоянно краснеть приходится. С переписью населения тоже чуть бунт не случился. Ходили даже слухи, что Ирод перебил кучу младенцев мужского пола. Якобы, кто-то из них, будучи из колена Давидова, собрался претендовать на царство. И вот на этом фоне в Йершалаиме появляется пророк Иешуа из Назарета. Во-первых, все уверены, что он – потомок Давида по линии матери. Во-вторых, его упорно называют Мессией его последователи. Фарисеи в публичном споре пытались выяснить, за кого он: за Моисеев закон или за римлян? Не вышло. Не дал раби прямого ответа. А иудеи-то, зелоты особенно, уже готовы этого пророка своим знаменем сделать. Ну, обратились к римлянам. Префект... Не хотел этой крови. Но Синедрион настаивал, что Иешуа нарушил закон Моисея и должен быть казнен. Царь Ирод тоже видел угрозу нового мятежа и тоже настаивал на казни. Естественно, пророк не собирался почитать божественного императора, так как был нормальным иудеем. Вот и казнили. Многие ученики сбежали к ессеям и их последователям – александрийским терапевтам. А зелоты продолжали свои нападки. В конце концов уничтожили несколько римских гарнизонов. Так началась Иудейская война. Многие простые люди идут за зелотами, потому что те постоянно напоминают об осквернении Храма и взывают к памяти Маккавеев. Погибли уже сотни тысяч. И эта война не остановится. Значит, Рим уничтожит иудеев как народ. А те верят, что каждой своей смертью приближают новое время с «добрым царем».

– Вот видите, я должна туда ехать, – Виргилия весело обвела всех взглядом: – Ну, не скачайте.

И никому ничего не надо больше пояснять. Она знала, что ее здесь понимают. Как не поймет никогда и никто. Что еще четыре купленных седла долго не останутся лежать, сваленные на лавке у стола. Что пятеро вот-вот разлетятся по свету. Чтобы когда-нибудь, совсем скоро,

встретиться вновь. Возможно, не в этом доме. Разве это важно? Так к чему долгое прощание? Она вышла, вскочила верхом, с наслаждением подняла коня на дыбы и бросила его рысью.

Через несколько дней вилла недалеко от славного городка Фаселеса, действительно, опустела. Тиль с Эритеей направились в Галлию. Симону срочно потребовалось встретиться с пророком на Патмосе, а Корд направился на юг. В первую же ночь соскочил от знакомого ощущения: где-то, совсем недалеко убили Виргилию. Римлянин помнил, как на их вилле Симон объяснял, что с ними происходит, если пропущенный удар оказывается смертельным. Как он сам понимал. Но до конца не уверен.

– Что тут думать? Давайте проверим, – в руках фракийской дикарки сверкнул кинжал. Четверо невольно приготовились: проверять на себе что будет после смерти, не хотелось никому. А вдруг? Вдруг возврата не случится? Женщина, очевидно уловив это, презрительно усмехнулась, одним резким движением вогнала кинжал себе в сердце, а потом еще и резко выдернула его из раны. На лице застыло удивленное выражение: – Больно.

Потом появилось знакомое каждому золотистое сияние, сутки беспокойного ожидания и... Возвращение. Опыт удался. Попробовал каждый. Симон, вообще, отличился: «А что будет, если оружие из раны не доставать?». Проверили. Ничего не будет. Стрела, клинки, дротики исчезали, раны – тоже. «А что будет, если напиться яда?». Яд тоже исчезал. Как это происходило, никому запомнить не удалось. Но приняли как достоверный результат: нет ничего такого, что убивало бы насовсем любого из них. Кстати: даже уходя вдвоем, там, в неизвестном, они оказывались в одиночестве. Удивленные лица Эритеи и Тиля после возвращения оказались весьма красноречивы. Да, остальные чувствовали уход друг друга. Может, потому что весь этот год жили рядом. И вот. Оказывается, они способны ощущать беду на расстоянии. Куда же эта ненормальная вляпалась?! Корд понимал, что спешить уже, собственно, некуда. Потому и не спешил. Выехал к следующей ночи на пустынный берег небольшой речушки. Усмехнулся: Виргилия накинула полог невидимости от посторонних глаз. Да только любую волшебу Всадники видели издалека. Это как костер в ночи. К костру-то мужчина и подъехал. Стреножил своего черного как смоль коня рядом с рыжим, подошел к сидящей у огня женщине:

– Что произошло?

– Слишком мерзко на душе. Было. А теперь – спокойно, – она даже не повернулась. Не стала задавать вопросы. И так все понятно: да, почувствовал. Да, беспокоился. Вот, нашел. – Думаю, к боли тоже когда-нибудь привыкну. Я так и знала, что ты махнешь в Иудею.

– Ага. А сейчас вот думаю: вдруг кто узнает? Из старых знакомых? Неловко выйдет.

– Так ты морок накинй, – Симон хорошо их учил этот год. В том числе – эфирному колдовству.

– Морок же издалека виден!

– Только таким как мы. Заодно и встретимся. Поговорим, – Виргилия разгребла руками землю рядом с костром, достала огромный спекшийся кусок глины.

– А! Так ты предлагаешь разведку боем! – Корду сразу все стало понятно. – А это что у тебя такое?

– Кролик. Я его травками, солью натерла, глиной обмазала и в угли положила. За день, думаю, он запекся, – она разбила глиняную корку. На черепках, действительно, оказалось пропеченное сочное ароматное мясо.

– У тебя точно с головой не все в порядке! Это ты положила кролика запекать, а сама?

– Убилась. Ты есть-то будешь?

– Дурацкий вопрос.

– Беру пример с тебя.

Ехать на пару оказалось не в пример удобнее. Особенно, когда рядом задышало, заворчалось отвратительное чудовище – война. Двое встали на древней крепостной стене города

Акко. То, что городу досталось донашивать имя фараона Птолемея, ничего не меняло. Внизу под ногами лежало поле Армагеддона.

– Это все пора заканчивать, – Виргилия устало повела плечами.

– Согласен. Иначе их ожидание конца света достигнет логического завершения, – Корд вздохнул. Рассказ Эритеи казался отсюда детской сказкой на ночь. Не страшной ни капельки! На самом деле творилось невероятное, чудовищное безумие: целый народ – сотни тысяч людей – гибли, гибли, гибли. И действительно верили, что смерть каждого из них приближает предреченное на земле Царство Бога. Где не будет больше страданий. Голода. Страха. Отчаяния.

– Попытаешься спасти?

– Беру пример с тебя, – мужчина хлопнул спутницу по плечу. – Я в Кумран. Посмотрю, какие там рукописи эта община ессеев столь ревностно охраняет, что за ними охотятся все. Даже римляне, – пока Всадники ехали сквозь страну, охваченную войной, им стали известно множество подробностей взаимоотношений между иудейскими сектами. Странные ессеи оказались не так просты, как должны были быть. Среди них существовало несколько степеней посвящения. Те, кто обладал высшей, могли даже пророчествовать. И последователи раби Иешуа во многом брали пример именно с ессеев. Новоиспеченная секта становилась год от года все более многочисленной, сильной, обретала примеры неистребимой веры в мученичестве друг друга.

– Ты оставил мне невысказанное.

– Да. Ты права. Йершалаим. Это твой бой.

Каменный лабиринт переходов путал шаги, кружил голову, сбивал с пути. Почему же голоса преследователей становились все ближе?

«Держите его! Да вон же он!» – римская центурия азартно загоняла последнего живого иудея странной общины отшельников в Кумране. Он уносил что-то очень ценное. По крайней мере, именно за этим римлян прислал сюда сам император Тит. Еще довольно крепкий мужчина сунул запечатанную амфору в руки Корду: «Я знал, что ты придешь. Здесь – свидетельство пребывания Шехина Эллохим в этом мире. Их оставил ученик Раби Иешуа Марк. Спрячь их». «Ты знал?». «Я высокий посвященный. Нам иногда открывается будущее. Все. Ступай! Враги близко. Я их задержу». Дальше в лабиринте случился бой. Бойня. Отшельники, наделенные странным знанием и способностями, умирали один за другим. Корд все пытался найти выход, безопасную нишу, спасительное укрытие. Да куда здесь можно спрятать бесценное свидетельство?! Стоп. Всадник на мгновение остановился, прислушался к себе. Так и есть! Под лабиринтом раскинулись многочисленные пещеры. Первыми под рукой волшебника зашевелились песчинки.

Удивленные римляне бросились прочь из каменной ловушки: земля, вздыбилась, начала прямо на их глазах осыпаться в пролом, который неумолимо приближался. Тем, кто успел выскочить, оставалось лишь неподвижно замереть. Наблюдать. Видеть. Свидетельствовать: древнее строение с грохотом уходило под землю. Мелькнуло золотистое сияние. О! Любопытней из пятерых тут же узнал бы его. Почувствовал. Римляне решили, что это огонь. Да, огонь. Камнем раздавило масляный светильник, вот и загорелось что-то. Мало ли что?

Вечером того же дня в римском лагере от шатра летописцев к шатру императора шел одинокий человек. Его ждал император Тит – сын Веспасиана. Идти-то – два шага. Но мужчине спешить уже некуда. Иосеф бен Матитьягу направился показать своему новому покровителю черновик вступления к своей «Истории». Он еще не привык к новому имени. Иосиф Флавий. М-да. Пожалуй, до сих пор бен Матитьягу числится в Синедрионе. Еще несколько лет назад он считался опытным законником, толкователем-фарисеем. Несколько лет упорно пытался примирить свой народ с Римом. Да, пытался. Но zeloty, поняли, что упускают влияние на умы. Тогда начались римские погромы. До последнего момента, уже когда Веспасиан ввел в Иудею

легионы, фарисей Иосеф бен Мантитьягу делал все, чтобы предотвратить войну. Не удалось. Даже самому пришлось повоевать. Плен. Положение римского раба. Встреча с Веспасианом. Тот узнал недавнего миротворца. Сделал своим вольноотпущенником, дал собственное родовое имя. Разрешил писать книги. Перед своей смертью завещал заботу об Иосефе сыну. Вот уже больше года бен Мантитьягу наблюдает, как гибнет его народ. Такой гордый, что предпочитает смерть доводам разума. Если бы Тит одержал победу без этого кровопролития! Пусть даже иудеи будут расселены. Пережили египетский плен, вавилонский, пережили бы и римский. Пережили! Но как?! Как прекратить бойню?! Зелоты заперлись на Храмовой горе. Пока держится Храм, им есть что защищать. Значит, череда смертей продолжится завтра на рассвете. Еще один штурм, еще один бой. А сегодня Йом Киппур. Уже зажгли три звезды и можно вкушать пищу и пить воду. Первосвященник войдет в Кодеш а-Кадашим, воскурит фимиам. Возможно, в последний раз. Римляне не отступят. Не умеют они отступать. И даже сегодня иудеи не раскаются в своем упорстве. Внезапно горло сдавили боевым захватом, по коже скользнул острый холодный металл:

– Тихо! Тихо, предатель!

– Я не предавал!

– Тихо! Я должна попасть в Храм!

– Я не могу! Храм осажден!

– Глупец! Если бы все было просто, ты мне не понадобился бы! Но ты же знаешь тайный проход на Храмовую гору, фарисей. И, я думаю, захочешь что-то или кого-то спасти. Идти со мной или не идти – твой выбор. Так мы идем?

– Хорошо. Хорошо, – Виргилия кожей чувствовала: бен Матитьягу готов позвать на помощь в любое мгновение.

– Можешь хоть заораться – мне это не повредит, а тебя не спасет. Смирись с этим.

– Кто ты?! – а вот теперь ее пленник источал даже не страх. Ужас. Самый настоящий ужас. Неплохо. Можно подтолкнуть его двигаться.

– Я та, кто уже явилась. Вперед!

Пока шли по лагерю императора, Иосеф с надеждой поглядывал на проходящих римлян. Но его странная и опасная спутница оказалась права: на двоих никто не обращал внимания. Они словно стали невидимы. «Как?! Как такое возможно?!». На выходе из лагеря Виргилия буркнула часовым: «Аквила», – и те даже не пошевелились. Хм, значит сегодня в качестве пароля легендарный белый орел-покровитель императоров Рима? Еще бы стражники что-то заподозрили! Литая лорика скрыла женскую фигуру, туника всадника, шлем довершили картину – женщина выглядела как обычный римлянин. То, что взятый под покровительство самого императора иудей идет куда-то в сопровождении как минимум всадника, не вызвало ни у кого никаких вопросов. А то, что в бок иудея упирался кинжал – кто будет приглядываться? Да еще в темноте? Миновали еще два поста. Вышли к подножию Храмовой горы. Кинжал давно вернулся в ножны. Фарисей больше не помышлял о сопротивлении. Отыскал плиту. Отодвинул. Замер у входа. Вздыхнул:

– Он ведет к восточной стене.

– Ты идешь? – женщина взглянула прямо в глаза. В горле Иосифа Флавия застрял странный хрип. Как она не понимает?! Странная всадница не собиралась понимать. Поэтому и усмешка вышла жестокой: – Это ты одного за другим убивал в пещере под разгромленной Иотапатай своих воинов.

– По жребию!

– Римлянам рассказывай. Твои люди не захотели сдаваться, как ты предложил. И готовы были убить тебя – тут же, в пещере, и умереть сами. Чуть позже. Открыто, в бою. Ты не хотел их смерти. Но умирать самому хотелось еще меньше. Ты предложил жребий. Ни разу он не выпал

тебе. Вас осталось двое. На этот раз длинная палочка оказалась в ладони у тебя. Твой товарищ смотрел на уже убитых тобой, тебе в глаза.

– Откуда ты все знаешь?!

– Что ты сказал ему? Ты помнишь? Помнишь. Вы вышли, сдались. Остались живы. Ты же с самого начала был против этой войны. Но тебе поручили оборону Галилеи, фарисей. Да, ты укрепил города. Но они сдались без боя, один за другим. Гамала, Тивериада, Вирсавия. Да, твоих соотечественников забирали в плен. Рабами. Но они оставались живыми. Как ты им и сказал, уходя в Иотапату. Иотапата. Ее гарнизон не желал ничего, кроме смерти. Ты остался именно там. Сорок семь дней вы отчаянно сопротивлялись. Ты честно бился в рядах воинов в проломе городской стены. Потом с небольшим отрядом ушел по цистернам водопровода в пещеры. Вернее, тебя увели. Посчитали, что ты еще сможешь пригодиться в этой войне. Не Иуда Маккавей, конечно, но военачальник, который хотя бы смог оказать сопротивление римскому легиону. Лишь двое вас вышло из подземелья. Ты же не хочешь, чтобы твой народ, одержимый безумной надеждой явления Мессии, был уничтожен. Для этого осталось сделать последний шаг. Ты готов его сделать?

– Ты убьешь душу Йершалаима, – бездна чувств: отчаяние, скорбь, облегчение – пролилась слезами на смуглом лице Иосифа.

– Я убью войну. А вы вспомните, что Шехина – это не Храм. Вы вспомните, что Бог, которому поклоняется ваш народ, всегда пребывал с вами. В Египте, в Вавилоне. Будет разрушено лишь то, что обрекает ваш народ на гибель. И, да. Сбудется пророчество Иешуа из Назарета о том, что камня на камне не останется от этого храма. Что ты хочешь спасти? Ваше священное писание – Тору?

– Людей.

– Так выведи их!

Больше понукать спутника Виргилии не пришлось. Она стояла в тени стены и наблюдала, как несколько десятков человек покидают пределы Храма. Левиты? Да, местные называют их левитами. Небо! Как все сложно! Последним уходил Флавий. Нес в руках бережно завернутый в ткань тяжелый светильник. Женщина почесала зудящий нос. Наверное, надо что-то оставить. Так сказать, напоминанием. О! Иудеев вывезут римляне. Куда? На запад от этих мест. Вот пусть остается западная стена из тех, что опоясывают гору. Всадница поднялась по ступеням Храма. Прикрыла глаза, глубоко вдохнула. Неистовое пламя метнулось по перекрытиям из драгоценных пород деревьев. Занялись ткани, покровы. Загорелся даже камень – лопался, крошился, рушился. Огненные языки взметнулись над храмовой крышей. Йершалаим содрогнулся от воплей и стенаний. Целый народ оплакивал свое прошлое.

Потом сказали, что Храм разрушили римляне. Император Тит всегда отрицал это. Говорил, что пожар занялся от случайной горячей стрелы. Кто-то верил. Иосиф Флавий знал правду. Но никогда, никому так и не сказал ее.

– Дорогуша, а тебе не кажется, что ты как-то... Погорячилась? – Эритея благодушно расположилась в кресле, как всегда закуталась в покрывало. На этот раз они встретились в Лютеции – небольшом римском городе в Галлии, построенном на острове реки Секваны. Эритее здесь не нравилось: слишком холодно и влажно. Даже теплый пол и жаровни не спасали. Но горячее вино, покрывало и надежда уехать в теплую Провинцию сделали свое дело: волшебница оттаяла и как-то подобрела.

– О! Об этом пожаре уже ходят легенды! – Корд хохотнул. – Остатки стены уже омыты потоками слез. Не удивлюсь, если ее когда-нибудь назовут Стеной Плача.

– Пусть ее омывают слезами, а не кровью. Кстати, представляешь: пройдет веков, скажем, двадцать. В затерянном к тому времени Кумране какой-нибудь упрямец разыщет-таки рукописи. Интересно, сильно ли они изменят мир? А ты, милочка? Нашла могилу своего приемного отца? – Виргилия вздохнула, перевела разговор. Да, она своими руками убила войну.

Ту войну, которая целый год мешала ей дышать, толкала за грань бытия. О чем тут жалеть? Приятели изволят подшучивать? Да пусть.

– Его похоронили на берегу озера недалеко от военного лагеря Лютерна. Уже рассказывают легенды, что его казнили в Риме, но в Тибре утопить тело не смогли, поэтому увезли прочь. Как всегда, все оказалось гораздо не так. После Иудеи он отправился служить в Галлию. Там погиб. Легенды нужны тем, кто оправдывает ими свою веру. Не жалко.

– А что там у вас произошло за восстание в Британии? – Корд не перестал быть римлянином даже после Кумрана. И слухи о беспорядках в римской провинции не могли его не заинтересовать. Хотя, когда в этой Британии было спокойно? – Вы что? Принимали в нем участие?

– Вот не поверишь, дружище, не особо-то и хотелось. Да только стоим мы в кругу священном, я дочке дольмены показываю, – Тилю надоело молчаливо перебирать струны арфы в углу. – А тут вбегает в круг растрепанная б... Баба. И рыдает во весь голос. Даже меня проняло.

– Еще бы! Она к древним богам взывала, мол, помогите отомстить за поругание дочек безвинных, – Эритея кивнула и замолчала.

– Ну, тут мы из тени-то и вышли.

– Я представляю: ночь, луна, в кругу священных дольменов появляются двое, – Виргилия прикрыла глаза, приготовилась слушать.

– Вот! Именно так все и было. Только без луны. Тучи и дождь. Мелкий такой, противный. Я, например, не понимаю: зачем римлянам сдалась эта Британия? Погода – ужасная. Все время сыро. Не дождь, значит туман. Люди дикие. Полная дичь! Из-за свинца? Олова? Да даже серебро не стоит таких усилий! Нет! Римляне уходить оттуда не собираются. Когда мы добрались, в этой Британии уже десять лет как длилось восстание. И все началось с друидов. Да. С друидов. Их выселили с острова. Англси, кажется. Хотя кроме самих друидов на этот островок всем плевать! От обиды бородатые умники начали подстрекать племена к войне с Римом. А там очень сильна вера в Древних богов. Понимаете? Она там кожей чувствуется. Пришли бы боги.

– Так мы и пришли, – фыркнула Эритея.

– Ладно мы, дочка. А если бы в круг кроме нас вступили, допустим, Падшие? Вот мы и решили: пойдем.

– Нет, Тиль. Это было твое решение, – Эритея не собиралась уступать.

– Пусть. Но ты его поддержала.

– У меня, что, выбор был?

– Был. Могла бы остаться. Но ты пошла. Мы пошли. Буодика-то чего так взъярилась? Муж ее вынужден был заключить союзный договор с римлянами. А по такому договору наследует либо мужчина, либо царство переходит к Риму. А у нее всех детей – две дочки. И обе не замужем. Некому оказалось царство передавать. Римляне его и отобрали. Казну вывезли. Королева попыталась поскандалить – ее выпороли. Насчет насилия над девчушками... Ну, не знаю. Может и было чего такое. Так без призыва богов за ней даже собственное племя не пошло. Потому что понимали: шансов против Рима нет. Все понимали. Кроме королевы. Эх! Сильная тетка. Эта своей верой мертвых смогла бы поднять. Не только накликав кого попало. Поэтому, наверное, я и решился. Ладно, думаю. Отомстит конкретным обидчикам, успокоится. Может даже дочь по договору за какого-нибудь приличного римлянина выдадут, чтобы тот потом от имени Рима и правил этими иценами. Королеве, конечно, почет на всю жизнь. Как-то так.

– А оказалось? – Корд хмыкнул.

– Оказалось все по-другому. Нет. Сначала все именно так и было. Двести бойцов Буодикки перебили римский гарнизон в Камулодуне. Вернули казну. Из римлян никто не ушел живым. И тут рядом с королевой появились друиды. Они уговорили ее идти на Лондиний.

Главный римский город. Монетный двор, опять же. Тоже, вроде, все понятно. В Лондинии Буодикка начала приносить человеческие жертвы. И я клянусь, я видел Падших! Правда, и они нас видели. Близо не подходили. Напрямую так и не вмешались. Люди королевы вешали, резали, сажали на кол, топили в реках. И не только римлян. Не только мужчин. Дети, старики, женщины – все. Крови – море. Лондиний сожгли в пепел. А потом еще были Веруламий и Каллева. Буодикка уничтожала все на своем пути: валлийцев, триновантов – всех. Друиды мстили и мстили жестоко. Мы ушли после Лондиния.

– Он отослал меня из лагеря под каким-то предлогом, а сам остался прикрывать. Я отъехала и почувствовала, что его убили.

– Ага. Стрела. Из омелы. Вот так и знал, что повторю судьбу Бальдра, чтоб ему икалось!

– И как? – у Симона от любопытства аж глаза заблестели.

– Да как обычно. Вышел – ни стрелы, ни раны. А моих преследователей медведи порвали, – Тиль ехидно посмотрел на Эритею.

– Я, что? Должна была на это все спокойно смотреть?! И еще и оставить безнаказанным?!

– Да молодец, молодец. Я же сразу сказал. Эко вот же придумала! Медведи! В общем, пока Буодикка громила Веруламий и Каллеву, в Британии высадилось четыре легиона.

– Хо! – Корд понимающе покивал.

– Оставалось заставить королеву принять открытый бой. В лесных лощинах легионы не очень. Хороши. И уж собрать под решающий удар всех смутьянов.

– Собрали? – Корд слушал очень внимательно.

– Тысяч двести. Хотя, кто их там считал?

– И четыре легиона. В десять раз меньше, – лицо Корда застыло.

– Ну, еще союзники были. Где-то такое же количество. Но легионы же не числом воюют! От первого броска их дротиков не увернулся никто. А легионеры успели сделать по два каждый. И потом пошли клиньями. Разгром полнейший. Буодикка попала в плен. Ей предстояла казнь. На кресте. В эргастуле я ее и нашел. Рыжая, гордая. Она просила легкой смерти. Да я ничего другого и не приготовил. Рядом с телом бросил несколько ягод черного болиголова. Ужас, конечно, был ужасный. Зато легенда красивая получилась. О королеве-жрице, которая сама на колеснице вела армию в бой. А то что проиграла, так не тягаться женщине с четырьмя легионами.

– Глядишь, ей еще и памятник поставят, – Виргилия зевнула. – А что? Буодикка – королева ищенов. Интересно, ее имя что-то означает?

– Победа. На латыни – Виктория, – Эритея одним глотком допила вино, поставила кубок.

– Красиво. Только вот увидите, друзья, в летописях все не так напишут. И восстание-то начнется, как только друидов с острова погонят. И об ужасах особо никто вспомнить не удосужится.

– Да ладно. Существуют документы, – начал было Симон.

– Корд, сколько лет назад был убит Брут?

– Э-э-э, – Корд считал. – Сто двенадцать лет назад.

– О! Я же говорила! – Эритея повернулась к Тилу. – А ты: «Быть того не может!».

Видишь, я оказалась права!

– Вы о чем?

– Согласно летописи Лондиния, его тридцать лет назад основал и построил этот самый Брут!

– Быть того не может! – Корд ушам своим не верил.

– Теоретически, ошибки возможны. Например, при переписке, – Симон не мог не высказаться.

– Риму, кстати, сейчас вообще не до Британии, – Виргилия хохотнула. – Они очень заняты строительством грандиозной арены для гладиаторских боев. Ее уже называют Коли-

зеем. А что будет, когда ее достроят? Корд, смирись с тем, что историки пишут то, за что им платят.

– А мы?

– А мы будем жить. Мне показалось, или у нас это начинает получаться?

Послесловие

Через девятнадцать веков королева Виктория установит памятник королеве Буодикке. Никого не смутит тот факт, что властительница крупнейшей в истории империи увековечивает память той, кто сражался с другой могущественной империей. В Символе Веры звучат всего три имени: Иисус, Мария и Понтий Пилат. Книги Иосифа Флавия на протяжении тысячелетий будут самыми цитируемыми историческими трудами. Стена Плача навсегда останется для еврейского народа почитаемой святыней.

Рим переживет все, даже собственную гибель. И тем докажет право называться Вечным городом.

Пламя войны

– Княжна Тамира, будь гостьей в моем доме и не знай в нем бедствий, – вождь гуннов Мундзук принимал в своем становище послов народа аланов. Почти сорок лет назад армия гуннов разгромила в битве на берегах Черного моря этот народ. С тех пор аланы стали союзниками гуннов в войнах, а правители традиционно обменивались знатными заложниками. То, что вождь аланов прислал в качестве заложницы свою старшую дочь, говорило о большом доверии и уважении.

– Будь благополучен, великий вождь. Мой отец Джумир шлет тебе золото и воинов, как то установлено договором между ним и тобой, – лицо княжны не выражало ровным счетом ничего. Не было страха, почтения, даже любопытства. И возраст. Вождь гуннов понял, что видит перед собой умудренного в битвах и годах воина. Вовсе не молодую деву. Почему Джумир не выдал дочь замуж? Мундзук знал ответ. Княжна посвятила себя служению Тенгри. Тенгри дал ей великую силу. Когда наследник аланов погиб во Фракии, девочка изувечила собственное тело в знак скорби по брату. И больше не могла родить детей. Верховный жрец Тенгри ата-кам гуннов медленно кивнул: «Такая сила нужна твоему народу».

Жизнь заложника у гуннов проходила просто и понятно: мужчина – такой же воин, как и все. Любой воин занимался выучкой, оружием, охотой. Только на войну заложников не брали – оставляли в становище. Знатная заложница считалась как бы дочерью вождя. К ней приставили двух старух, под их присмотром она делала все, что положено женщинам: прядла шерсть, ткала, шила, готовила, вышивала. У нее попытались забрать коня. Тамира крикнула, что никто не сможет сесть ему на спину. Многие пробовали. Раз за разом огненно-рыжий жеребец сбрасывал всех, невзирая на знатность рода и опыт наездника. За княжной закрепилась слава колдуньи. Полезная слава. Выезжать куда-то далеко ей не разрешили, так она верхом носилась кругами. Пыль стояла до небес. Мундзук позвал ее к себе, отчитал по-отечески.

– Я делаю так, чтобы конь не застаивался. Мне надо его выезжать. Я никуда не исчезну, не сбегу, потому что для меня договор между моим народом и твоим священен. Если тебе не нравится, что я скачу вокруг становища, позволь мне выезжать куда-нибудь. Даже пусть сопровождают меня, – упрямая девица тряхнула косами. Недовольно звякнули подвески. – Если бы я хотела сбежать, меня бы никто не остановил, – последние слова она произнесла так тихо, что услышал только вождь.

– Хорошо. Мой сын и его товарищи будут сопровождать тебя.

– Ты не боишься нанести ему урон?

– Сделай так, чтобы этого не произошло.

Тамира склонила голову в знак подчинения. В сопровождающие угодил младший сын Мундука, а его товарищами оказались такие же как Тамира заложники. Многие племена присылали сыновей: алеманы, готы, греки, фракийцы, сарматы, словены – народы, по которым прокатилась война с непобедимыми кочевниками из-за далекого Меотидского моря. Заводилой в этой разношерстной компании, конечно же, ходил молодой гунн:

– Меня зовут Аттила, – его черные глаза лучились усмешкой. Или насмешкой? – Я назван в честь великой реки Итиль, что питает колыбель моего народа. И я буду вождем. Скоро. А это – необоримый воин Хаген из бургундов, – Аттила кивнул в сторону самого старшего из выводка юных и бесстрашных. – По-моему, его отправили к нам, чтобы он ненароком кого-нибудь не зашиб в своем Тороне. Они там в городах живут – в этой Бургундии. А это самый настоящий римлянин. Правда-правда. Из самого Рима! – рука Аттилы легла на плечо сурового парня. М-да. Действительно – римлянин. И лицо такое – римское. Глаза серые. Темно-русые волосы коротко острижены, подбородок гладко выбрит. И выглядит опрятнее всех. Эти гунны, о ужас, бараньим салом волосы мажут, а потом их в косы заплетают. У кого голова не блестит –

урод и отщепенец. Пахнут, кстати, соответственно. Х-м, Аттила, кажется, не случайно выделил этих двоих. Неужели между сыном военного вождя и заложником возможна дружба?

– Я – княжна Тамира.

– Мы видели тебя, – ого! Этому римлянину позволено даже говорить! – Когда тебя только-только привезли. Я – Флавий Аэций.

– И не только видели, друг, – Аттила хохотнул. – Мы спорили: свернешь ты себе шею или нет, носясь вокруг становища.

– И конь у тебя знатный, – Хаген из Тороне закусил губу. Ага! Значит, пытался сесть верхом на Огонька! Х-ха!

– Когда мы можем выехать? – княжна не привыкла откладывать исполнение решений. Отступить она тоже не привыкла.

– Хоть сейчас, – Аттила, видимо, тоже не любил откладывать.

Так и повелось. А потом на поле, где тренировались воины, Тамира на скаку ударом нагайки порвала кожаный мешок с песком. Да так, что, рассеченный, он упал с кола, куда его закрепили для упражнений.

– У тебя сильный удар, – Аттила недоверчиво смотрел на новую подругу.

– Но это всего лишь мешок с песком, – Хаген, как всегда, готов был сказать какую-нибудь гадость. – Рассечь голову настоящего противника – совсем другое.

– Тенгри отдают самое лучшее. Лучшим был мой конь. Сполох. Моя душа. Мое дыхание. Я убила его одним ударом топора. Чтобы он не мучился. Не стоит сравнивать силы даже сильнейшего из воинов с силой того, кто отдал свою жизнь Тенгри, – Тамира спрыгнула на землю, взяла Огонька под уздцы.

Вечером к ней в шатер пришли двое. Странно, на этот раз Аттила явился только с Аэцием.

– Зачем ты его провоцируешь? – гунн расхаживал по шатру, ударяя себя плетью по сапогу. – Он едва не вызвал тебя на поединок! И проиграл бы. Тогда тебе пришлось бы биться с каждым из нас! И мне нельзя пережить поражение от женщины. Даже если она – колдунья!

– Вот и подумай: зачем на самом деле Хаген провоцирует меня? – княжна, как ни в чем ни бывало, продолжила плести ремешок из полосок крашеной кожи.

– Почему ты не возглавила свое племя, чтобы сразиться с нами?

– Это ни к чему. Да, скорее всего, мы бы выиграли пару-тройку битв. Потеряли сильных воинов. Но вожди твоего народа не потерпели бы мятежа за спиной – на мое племя навалились бы всей своей немалой силой, – голос Тамиры звучал ровно. Словно она втолковывала что-то чрезвычайно скучное. – А нас немного. Смерть каждого воина для нас ощутима, тогда как вы можете позволить себе терять сотни. Мы бы не проиграли. Нет. Мы бы погибли. А так: самые горячие бойцы сражаются в рядах вашей армии, а женщины, дети, старики спокойно живут.

– Я возьму тебя в жены. Тогда ты не сможешь причинить мне вред, – ох! Только не это. А Аэций-то! Как он посмотрел на Аттилу: ужас, ненависть – убивать готов. Нет-нет-нет.

– У меня не может быть детей. Тебе не позволят.

– Значит, ты станешь моей сестрой. Как Аэций стал братом.

– Так вот в чем дело! – Тамира кивнула. Она так долго не могла понять, что же связывает этих двоих! Оказалось все просто. Очень просто. Нож в ее руке возник словно из ниоткуда. На ладони налился горячей кровью глубокий разрез. – Возьмите мою кровь и станьте моими братьями.

Аттила втянул в себя воздух сквозь сжатые губы, рассек свою ладонь. Княжна взяла его пораненную руку, приложила к своей, подержала несколько мгновений. И только после этого гунн выдохнул. Теперь оба смотрели на Флавию. Тот помедлил, потом решительно разрезал

кожу на ладони, протянул девушке. Та сжала ее, испытующе глядя в серые глаза. Сколько там было всего: надежда, отчаяние, радость. Кажется, римлянин не верил в то, что происходит. С чего бы вдруг?

Колдовская ночь пьянила – кумысом, какой-то легкостью, разделенной на троих. Все стало как прежде. Хаген попытался еще несколько раз бросить что-то резкое в сторону Тамиры, но всякий раз нарывался на едкие ответы Аттилы. В становище из страны бургундов вернулся Руа – брат Мунздука. Военные игрища длились месяц. Старшему племяннику, брату Аттилы Бледи Руа привез подарок – уродливого карлика по имени Зеркон. Злые шутки Зеркона смешили Бледу. Пожалуй, только Бледу и смешили. Аттила от них рычал в ярости. Следующим летом внезапно от укуса змеи умер Мунздук. Руа устроил брату грандиозные похороны, стянул к становищу всех воинов.

– Будет война, – как всегда на закате трое сидели в шатре Тамиры. Та обнесла своих «братишек» кубками с легким ячменным пивом.

– Смерть твоего отца слишком выгодна твоему дяде, ты это понимаешь. Будь осторожен, – княжна уселась на лежанке, поджала ноги.

– Заложников бургундов дядя отправит домой. Возможно, не только их, – Аттила хмурился.

– Я останусь, – Тамира улыбнулась. – Нравится это твоему дяде или нет.

– Из Рима едет посольство. Меня могут отозвать, – Флавий последние дни ходил сам не свой.

– Это будет справедливо, – Аттила попытался приободрить брата. – Тебе давно пора получить войско и увенчать себя славой!

Аэций вздохнул. Варварам никогда не понять! Каково это: сыну военачальника захоластного римского гарнизона из Фракии сначала добиваться чести стать самым молодым телохранителем императора, а потом оказаться заложником у готов. Убийца отца. Флавия отослали прочь из претории. Завидовали таланту, злему напору, желанию служить и мстить. Ирония судьбы: готов разгромили гунны. Флавия Аэция отослали к победителям.

– Не печалься, брат! – Аттила допил свой кубок. – Мы оба знаем, что грядут великие перемены.

Как в огонь глядел. Посольство императора Рима Гонория, действительно, обменяло заложников. Флавию Аэцию приказали прибыть ко двору своего повелителя. С Аттилой прощались у самых границ с Илирией:

– Твой Рим будет воевать с Византией. Нашими руками. Бледа рассказал. Его Руа позвал на переговоры. Представил как своего наследника, – стоял рядом, смотрел куда-то вдаль. – Говорят, вождь римлян убил своего лучшего полководца. Кажется, его звали Стилихон. Этот полководец храбро сражался с готами, а потом его казнил ваш император.

– И вождь готов Аларих захватил Рим, – Тамира передернула плечами. Да. Она не осталась в становище. Сделала все возможное, чтобы Аттила уговорил дядю отпустить княжну с ними. Проститься с другом. Что тут такого-то?

– Я хочу сказать, будь осторожен и хитер, брат, – мужчины крепко обнялись. Тамира молча легко коснулась губами лба Флавия. – Если понадобится помощь, приезжай! – гунны вскочили на коней и умчались прочь. Аэций смотрел им вслед. Вместе с Аттилой уезжала княжна Тамира.

Жизнь становища гуннов не изменилась с отъездом многих заложников. Изменилась жизнь Аттилы и Тамиры. Аттила женился. На девице из знатного рода Вельсунгов, пришедшего в устье Ренуса с северного острова Скади. Свадьбу играли на границе с Бургундскими землями. Утром после свадебного пира в своем шатре был найден мертвым дядя Аттилы Октар. Его убил не враг, не яд, а собственная жадность – переел, а после выпил слишком много золотого легкого вина с берегов Ренуса. Свадьба перешла в тризну. Песен и танцев меньше

не стало. Никого не удивило, что княжна-заложница подружилась с Ильдиком – женой своего названного брата. А Тамире стало немного жаль девочку. В своем народе, наверное, она считалась бы не просто красавицей – прекраснейшей: синие глаза, золотые косы до земли, хрупкий стан – вместе с румянцем на упругих щеках – чего еще и желать? Но ей суждено было выйти замуж за гунна. Даже имени-то северянки никто толком не мог произнести. Так и осталась она Ильдиком. Княжна наорала на своего братца, назвав его тупым бараном, но настояла на том, чтобы теперь женщины жили вместе:

– Да так я хоть за ней присмотрю! Да ты сам подумай: она жила в городе! Что такое стирать и готовить понятия не имеет! А уж жить в походе – это ей в самых страшных кошмарах не снилось! Да ей ее гриву мыть надо! Горячей водой! Хотя бы раз в неделю, – уже не очень громко закончила свою отповедь княжна, глядя на открытый в изумлении рот Аттилы. В первую брачную ночь братишка ворвался к ней в шатер, едва прикрыв чресла каким-то покрывалом:

– Она вся в крови! И плачет! – чтобы привести его в чувства, Тамире пришлось отвесить гунну подзатыльник:

– А ты не знал, что дева, становясь женщиной, теряет кровь?! О, Тенгри-кам! У тебя же наложниц с десятков! Да ты ни разу не ночевал один в своем шатре за все время, которое я у вас живу! Ты что, не знаешь, что делать с женщиной?!

– Они... Да ни одна никогда не ревела! А эта!

– Ей больно, страшно. Крови, скорее всего, много. Она же не наездница. Иди, иди к ней. Согрей, успокой, приласкай. Кумысом напои. Только немного. Ох уж эти мужчины! Да иди же! – с трудом княжна выпроводила Аттилу обратно к жене. Накрылась с головой, долго бурчала себе под нос, а потом снова заснула.

Вернулись в становище. Руа превратил стоянку кочевников в настоящий город. Да, в основном он состоял из землянок, но в центре возвышались два величественных строения из резного дерева. В одном жил Руа со своим окружением. Второй предоставил Бледе, Аттиле и их близким. Ильдиком с облегчением понял: ее ждет жизнь в доме. Не в землянке, не в лагере. В самом настоящем доме. Жена Аттилы ходила на сносях. Дорога далась девочке нелегко. Впрочем, в покое она быстро оправилась, Тамира взялась учить ее плетению ремешков из цветных шерстяных нитей и кожаных лент. Надо сказать, что у северянки это получалось значительно лучше и ловчее. Когда руки женщины заняты, язык свободен. Вот о чем еще поговорить, как не о своих родных местах? Рассказ Тамире о себе оказался сух. Чтобы не выйти страшным. Ильдиком вздохнула:

– Я – внучка Вельсунга – великого воина, который привел наш народ с берегов острова Скади к Ренусу. Моим народом правит мой дядя Сигмунд. Наш народ воевал с франками. Но во главе франков стоят выходящие из моря вожди-оборотни.

– Что-о? – Тамира, едва дыша, уставилась на Ильдиком.

– Когда приходит время, на смену умирающему вождю франков приходит новый. И каждый раз он выходит из моря, будучи чудовищем и принимает человеческий облик. Они – колдуны. Но их силу можно победить. Если обрезать оборотню волосы. Как видишь, это не просто. К тому же их народ очень многочисленен. Правда, в последний год их вождь Хлодион, сын Теодомира, принял правление от своего дяди Фарамииона и увел свой народ в Белгику. Там они воевали с самими римлянами, но не смогли захватить их город. Лютецию. Флавий Аэций разбил их и заставил поселиться в Турне.

– О, Тенгри! Флавий? Аэций?

– О да! Это великий воин римлян. Равного ему нет.

– А твой народ?

– Моего дядю захватили в плен нифлунги – речной народ тумана. И тогда мой двоюродный брат Сигурд победил их вождей: Хрейдмара и Фафнира. А потом сошелся в битве со своим наставником Регином. Регин – кузнец. Когда-то выковал моему брату чудесный меч.

– Ты видела Регина? – если бы славная, наивная и прекрасная в своей наивности северянка могла заметить, какие страсти разбудила она свои рассказом!

– Говорят, это очень высокий человек с черными кудрявыми волосами. И очень сильный. А еще он оборачивался драконом! И Сигурд его победил! Потому что ему помог сам Один!

– Так. Это еще кто?

– Это бог Неба. Всеотец. Вельсунг его правнук.

– Бог?

– Да. Ты не веришь?

– Верю, – очень серьезно произнесла Тамира. Потому что верила. – Так что случилось, когда твой Сигурд всех победил?

– Он захватил золото нифлунгов. Вместе с волшебным кольцом карлика Андвари. Говорят, это кольцо привлекает сокровища, но Андвари его проклял. Я боюсь за Сигурда. Он уехал свататься с дочери вождя бургундов Кримхильде.

– А эти? Нифлунги?

– Это теперь народ Сигурда.

– Логично.

– Что?

– Я говорю: как же могло быть иначе, если он победил всех их вождей. Особенно – дракона. А почему твой народ ушел из этой – земли Скади?

– Там власть захватил народ Хенгиста. Это саксы. Они стали нападать на селения не только с суши, но и с моря. Саксы стали так сильны, что Хенгист со своим братом Хорсой захватили земли даже в Британии! Их туда призвал Вортигерн – зять самого Максена Вледига!

– Как-то это все сложно. Слишком сложно, – Тамира не верила собственным ушам. Выходило, что в западных владениях Римской империи в последнее время – лет этак пятьдесят – набирали силу народы-варвары. Не просто набирали силу. Они рассказывали о себе легенды. Красивые истории, где смешались в единое целое выдумка, правда. Легенды как фундамент новых государств? Как-то все круто замешано. Весьма круто. – Этот Максен Вледиг – император Рима?

– Ну да!

– А Вортигерн?

– Это верховный вождь Британии. Он так силен, что хочет построить свой замок на холме Аннуна ап Максена. А под этим холмом Ллуд когда-то заточил двух драконов: красного и белого. Пока не родится герой, который сможет их подчинить, замок не будет возведен. Даже Равена – дочь Хенгиста – великая колдунья – не смогла этого.

– Прости мою непонятливость. Ллуд – это бог? Или герой? И, я правильно поняла, Британия ждет своего героя?

– Ллуд – это бог британцев. И, да. Там ждут рождения великого героя. А золото нифлунгов, говорят, это сокровища Максена Вледига.

– Твой рассказ очень интересен, Ильдику. Я должна сейчас уйти. Но ты закончи пояс, – Тамира порывисто соскочила, выбежала из дома. Вокруг шумело становище. Нет, надо остаться одной. Огонек приветственно фыркнул, с радостью помчал всадницу мимо землянок, костров, людей. Ей даже не смотрели вслед. Мало ли куда несется названная сестра Аттилы – великая колдунья? А она летела все дальше и дальше. Наконец, остановилась на вершине холма. Отпустила коня. И громко заорала: – Вы что?! Издеваетесь?!

О нет! Княжна Тамира не требовала ответа от птиц, что беспечно парили в синем небе. Не ждала она ответ и от облаков, спокойно проплывающих вдали. Ответ, вообще, ждала

не княжна Тамира. Его требовала та, кого когда-то называли Виргилией. Давно называли. Вот уже почти четыре века назад. Так долго. Это бессмертие (или проклятие?) с ней делили еще четверо. Таких же, как она – волшебников. Волею судеб, им выпало принять на свои плечи почти непосильную ношу. Они хранили этот мир. Как могли. Как понимали. Не потому что кто-то попросил об этом. Они сами так решили. Симон – повелитель стихий и эфира. Тиль – песенник и лучник. Корд – воин и кузнец. Эритея – провидица, несущая смерть и забвение. И она – Виргилия – пламя и битва.

Ни связи, ни гонцов долгие-долгие, почти бесконечно долгие годы. Перед расставанием – короткая встреча в доме Симона на берегу реки Лех в предгорьях Альп. Тогда встретиться потребовала именно Виргилия. Приехала в маленькую уютную долину из приграничного захолустного римского городка Дуросторума, построенного на Данувиусе. Целый день ждала, пока остальные отоспятся и отмоются с дороги. Кормила лебединые пары на зеркальной запруде, устроенной Симоном. Знала, что разговор будет тяжелым, поэтому все откладывала. Но потом решительно вошла в общий зал. Назвать это помещение по-римски – триклинием – язык не поворачивался. Камин, жаровни, стол посреди, кресла с высокими спинками вокруг – вот, спрашивается, на что это походило? Да ни на что это не походило! На столе громоздились блюда с едой вперемешку с кувшинами вина. Что-что, а поесть здесь любили.

– По какому поводу встреча? – высокий черноволосый мужчина предпочел жареной дичи кубок. – Ты вчера была загадочной и какой-то мрачной.

– Корд, давай дождемся Симона, – зеленоглазая брюнетка обсасывала перепелиное крылышко, благодарно кивнула невысокому блондину, что подал ей блюдо с нарезанным сыром: – Тиль, и еще вон тех маринованных оливок, будь любезен.

– Да для тебя, Эритеечка, ничего не жалко, – тот ловко подал дочке с немалым трудом доведенные аж из Лигурии крупные золотистые оливки. – Виргилия, а ты чего не ешь? – певец лучезарно улыбнулся рыжеволосой воительнице.

– Виргилия, базилик у меня только зеленый. Красный в этом году почему-то не растет, – в зал вошел пятый человек. Высокий, худощавый, прямой. Резкие черты лица, темно-русые коротко стриженные волосы. Одет просто. Симон. Хозяин дома. Ну, теперь все в сборе. Виргилия кивнула, забрала пучок зелени, покрутила в руках ароматную веточку:

– Симон, а тебе не кажется, что уже хватит?

– Прости, хватит чего? – тот сел на свое место, начал накладывать себе в блюдо еды. Очевидно, что разговор предстоял долгий. У Виргилии накопилось. Пусть выговаривается. Здесь все свои.

– Удерживать то, что вот-вот все равно обрушится?

– Ты, конечно, имеешь в виду Римскую империю? – хорошее настроение хозяина никак не желало портиться. Он налил себе вина: – А давайте выпьем! За встречу!

– О! И верно! – Тиль отсалютовал присутствующим своей чашей.

– Да, кажется, это единственное хорошее, за что имеет смысл выпить, – Корд коснулся кубка Эритеи, вопросительно посмотрел на Виргилию. Та молча пригубила вино.

– А вот теперь рассказывай, – хозяин дома подпер кулаком щеку, не забывая жевать, приготовился слушать.

– Вы сами все знаете, – от взгляда его карих глаз Виргилии (в который уже раз!) стало как-то не по себе. – Триста лет мы буквально нечеловеческими усилиями удерживаем этого колосса.

Тиль задумчиво уставился на потолок, что-то посчитал, качнул головой. Эритея усмехнулась. Корд нахмурил густые брови. И только Симон продолжал внимательно смотреть и слушать.

– Я напомню. Кратенько, – рыжая магичка злилась. Наверное, на саму себя. – Однажды мы решили хранить этот мир. Так сложилось, что у этого мира имелась лишь одна составляющая, которая удерживала все.

– Рах Romanus, – одними губами прошептал Корд.

– Точно! – палец Виргилии вперился в потолок. Или в Небеса? – Риму был нужен мир. Но миру оказался нужен Рим. Вот мы и впряглись в эту повозку. Кто уж во что горазд. Эритея убивает императора Домициана. Корд обеспечивает Трояну победу над Децибалом. Даки, в результате, растворяются где-то в Панонии. Вырыт канал от Нила до Красного моря. Рим напрямую общается с Индией. Слоны и послы от туда смотрелись весьма впечатляюще на играх Трояна.

– Да ладно. Правда, красота же, – Эритея вздохнула. Припомнила браслет с топазами, полученный от одного из послов.

– Император Адриан, – воительница и не думала останавливаться. Друзья с ужасом представили, насколько долгим может оказаться ее экскурс в историю. – Всем хорош. Архитектор, строитель. Возвел вал на границах империи. Но его связь с прекрасным Антиномем грозила репутации императорской власти. Особенно – в глазах удаленных провинций. Антиной тонет в Ниле, получив стрелу от Тиля.

– Да я-то тут при чем? – непревзойденный стрелок – Тиль возмутился громко, искренне.

– Да потому что после своего героического самопожертвования юноша был обожествлен. Его статуи в империи едва ли не больше, чем статуи всех императоров вместе взятых. Опять же, юный умирающий и воскресающий бог – это так прекрасно и трогательно, – несмотря на довольно ехидные слова, голос рассказчицы звучал ровно. Даже как-то монотонно. – Тиль, мы же понимаем, что несут твои стрелы. Легкую смерть и долгую память. После гибели Антиноя император запирается на своей вилле в Тибуре, а империей, по сути, управляют проконсулы. Массовые мученические смерти христиан. Одна история с семьей Софии чего стоит. Ее дочерям было девять, десять и двенадцать лет.

– Ну уж тут-то из нас точно никто ни при чем! – Эритея возмущенно покачала головой.

– Я же никого не обвиняю. Я рассказываю. Симон становится советником императора Антония Пия. Замечательный получился император. Почти легендарный Нума Помпилий. Справедливый суд, благотворительность. И – мир. За годы правления не случилось ни одной серьезной войны. Зато потом – безумный Коммод. Сколько он лично провел гладиаторских боев? Семьсот тридцать пять?

– И переименовал Рим в Город Коммода, – Корд скрипнул зубами.

– Был убит, – Эритея успокаивающе тронула Корда. Римский патриций и после смерти оставался римским патрицием. Боль империи до сих пор ощущал как свою собственную. Римляне, наверное, «бывшими» не бывают?

– Дальше закрутилось все совсем всерьез: после смены чреды временщиков, власть получает Септимий Север. Сделал много. Убит собственным сыном Каракалой в Эбораке в Британии. Славный парень Каракалла после этого убивает еще и мать с родным братом, оскверняет могилы парфянских царей, но давний враг Рима – Парфянское царство – перестает существовать. Правда, на его месте тут же возникает не менее сильное царство Сассанидов, которое, к тому же, в качестве государственной религии избирает учение Заратуштры. С воинами Света, противостоящими силам Тьмы. Вмешательство свыше видится только мне?

– Мы можем что-то сделать? – Симон мягко улыбнулся.

– Я не смогла, – Виргилия закусила губу. – Про жреца Геликобала я даже говорить не хочу. Хорошо хоть при нем человеческие жертвы не приносились! А Рим хорош! Его сенаторов фактически перебили на пиру императора, а никто ни слова не сказал. И в этот момент Сассаниды на востоке, а алеманы на севере переходят в наступление на территорию империи. Легионы, возмущенные намерением нового императора заключить мирный договор, убивают

самого императора вместе с его матерью. Дальше годы безумия и ужаса. Полвека постоянных внутренних войн между солдатскими императорами. Любой, как показала история, просто любой человек мог стать властителем империи. А на ее границах крепили германские племена. Хаос продолжался, пока к власти не пришел Диоклетиан и не навел порядок. В соправители Диоклетиан берет Констанция Хлора. А тот влюбляется в Елену – дочь содержателя почтовой станции в Пергаме. Делает ее своей постоянной конкубиной. Когда Констанций наводит порядок в Британии, заключается мирный договор между римлянами и королями Севера, Елену удочеряет Койль Хен из Эвраука, прозванный Годаборгом.

– Защитником. А что? Красиво получилось, – Тиль покивал. – У Констанция и Елены родился сынишка. Константином назвали. Сильный паренек.

– Настолько сильный, что на него все сделали свои ставки. Сначала он успешно воюет в Галлии и на берегах Ренуса, потом одного за другим побеждает соправителей по разделенной Диоклетианом империи. Кстати, отошедший от власти император Диоклетиан в это время в Иллирии выращивает капусту и довольно скептически наблюдает за внутренней сварой. Наконец, Константин дает знаменитую битву у Мульвийского моста. Я понимаю, что в здравом разуме его соперник никогда бы не покинул стены хорошо укрепленного Рима. Но что-то, вернее – кто-то, заставил его выйти к мосту через Тибр. Дальше: видения Константина, знаки на знаменах его армии – это уже понятно. Надо же было как-то одних римлян отделить от других. Чтобы слепой увидел, кто же победил. Но легенда-то! Провидение, христианские символы – все к тому, чтобы эта вера наконец-то стала государственной в империи.

– Как показала история, это был единственный вариант, приемлемый для всех слоев общества, возрастов, не делающий различий между мужчинами и женщинами. Христианство к тому же не выделяет какой-то народ. В отличие от иудаизма. Нужна была общая для всех идея, – Симон дожеввал, запил вином.

– Я так и знала, что автором идеи являешься ты, – Виргилия поморщилась. – Дальнейшие шаги Константина понятны: он переложил всю идеологическую власть на свою мать – Елену. Отдал ей на реализацию масштабных проектов всю казну в управление, а сам начал строить новую столицу. Елена использовала возможности с умом. В Йершалаиме собрала все святыни, так или иначе связанные с той давней историей с распятием, на каждом месте, где собирались трое и более апостолов, заложила храмы, по дороге из Йершалаима в новую столицу основала монастыри, приходы. Словом, укрепила веру как могла. Диоклетиан к тому времени умирает. Вскоре умирает Елена. Константин в результате дворцовой интриги теряет старшего сына и наследника, поэтому после смерти императора ему наследует двоюродный брат Юлиан. Христиане уже назвали его Отступником, хотя то, что он не стал христианином, скорее, говорит о твердости его убеждений. В результате Юлиан погибает в бою под Ктесифонтом от удара копья, и у меня вопрос: Георгий Победоносец тоже после собственной смерти какого-то дракона в Генисаретском озере копьем убил. Корд, тебе не кажется, что повторяться нехорошо?

– Выбор был, что ли? – о! А Корд смутился!

– Как мы пережили предсказанный в 365 году от Рождества Христова конец света, я до сих пор не знаю. Мятеж родственника императора Валентиниана вылился в войну в Азии. Мятеж подавлен, смутьян казнен. Два полководца: Феодосий и Максен громят пиктов в Британии, объединяют южные британские земли в единую провинцию. Феодосий уезжает в Константинополь, Максен женится на правнучке Койля Хена, названной в честь своей двоюродной бабки Еленой. Получает имя среди валлийцев Вледиг. Жители Британии счастливы: ничто не мешает им мирно жить под защитой римских легионов. Землетрясение в Александрии почти уничтожает маяк на острове Фарос, погибает около пятидесяти тысяч жителей. Получает широкое хождение летопись жизни монашеской общины Антония, названного Великим. Корд?

– Да там все сложно было. Между двумя течениями христиан едва настоящая война не началась. По сравнению с возможными жертвами по всей Азии, это так – малой кровью обошлось. А маяк и вовсе случайно задело!

– Далее последовала довольно продолжительная война с алеманами после того, как эти германцы захватили Магонциака. В Медиолануме христианским епископом становится один очень уважаемый человек. Амвросий. Фактически на его авторитете держится весь север Италии, Далмация, Нарбо, Иллирия. Сразу после правления епископа Амвроия, уже в Галлии, декурион римской конницы, отслужив в легионе положенные двадцать пять лет, основывает монастырь по образу и подобию александрийской общины Антония Великого. Чуть позже этого замечательного человека делают епископом Турским.

– Мартин. Умный, толковый, – Симон встал, прошелся вдоль окон.

– Я заканчиваю. Собственно, остается мятеж Максена Вледига и вывод им римских легионов из Британии. Все было правильно. Но Максен нарушил присягу империи. И проиграл решающую битву под Аквилеей. Казнен. После того, как по приказу Феодосия в Фессалониках перебиты семнадцать тысяч бунтовщиков на стадионе, епископ Амвросий отлучает императора от церкви. А это означает, что все клятвы, данные императору, теряют силу. Феодосий публично приезжает на покаяние. Прощен, статус восстановлен. Я ничего не упустила?

– За исключением мелких мистических подробностей типа черного каменного алтаря императора Геликобала, привезенного из Эмессы, непобедимого меча императора Максена, утраченного под Аквилеей, чудес, совершаемых христианами проповедниками – ничего, – Эритея вздохнула с облегчением.

– Империя предпочитает защищаться от нападений варваров союзными царствами. В самих легионах римлян почти нет. Да и императоры в Риме практически не бывают. Равенна лучше укреплена и лучше приспособлена под резиденцию императора, – Корд печально кивнул, добавил вина себе в кубок.

– В Азии многочисленные племена арабов переселяются из пустынь на более обитаемые земли. Сассаниды пока с ними справляются. Племена готов сражаются с гуннами.

– Кто это? – Тиль озадаченно почесал бровь. Подумать только: они тогда еще не знали ни готов, ни гуннов!

– Готы – германские народы. Живут от рек Вистулы и Одра у Балтийского моря до Данувиуса. Им там тесновато в последнее время. Гунны пришли из-за Меотидского моря. Они уже захватили Каппадокию и Сирию, упорно продвигаются к границам империи. Перешли Тирас. Там только воинов-всадников сотни тысяч, – пришлось рассказывать. – Мы, конечно, можем остановить эту волну, – Виргилия вздохнула. Покусала губы. – Можем. Какой ценой и стоит ли платить эту цену – вот о чем я хотела спросить. Сама империя просто рухнет под этим натиском. За такое короткое время ей не перемолоть германцев и гуннов. Как когда-то сарматов, галлов, даков, даже греков.

– Ты видишь выход? – Симон подбросил дров в камин.

– Нам необходимо изменить стратегию. Нет, Корд, – Виргилия выставила ладони, отгораживаясь от готовых сорваться обвинений. – Я не предлагаю помогать варварам добывать Рим. Я предлагаю нечто иное. Если так можно выразиться, окультуривание варваров. Они в большинстве своем суеверные язычники. Живут родом, племенем. У них могли бы появиться свои легенды, которые дадут им цель. Ну, не знаю, поддержания мирового порядка, например. Христианские проповедники до них дойдут. Поймите: новые племена пора готовить вписываться в этот мир. Иначе с приходом варваров погибнет не Рим. Прекратит свое существование весь мир. Замечу: вместе с нами.

– Какие народы ты предлагаешь выбрать?

– Я знаю готов и гуннов. Те племена, которые сейчас населяют Галлию и долину Ренуса мне известны хуже. Из них следует выбрать наиболее воинственные. Потому что они точно примут участие в дележе пирога.

– Бургунды! Однозначно! – Тиль тоже соскочил с места. – Эти горячие парни хотели за море пойти. Еле удержал. А то бы высадились на островах. И конец островам.

– У франков уже есть легенда, что их предки – морские оборотни. Чуть ли не нарвалы с драконами, – Эритея задумчиво накручивала на палец черный локон. Ее зеленые глаза таинственно поблескивали. Быть может, разумеется, в них просто отражался огонь.

– Значит, решено. Я тогда возвращаюсь в Паннонию, – Виргилия вздохнула. Она понимала, что там – в среднем и нижнем течении Данувиуса будет жарко. И страшно. Еще долгое, почти бесконечно долгое время.

Они тогда – полвека назад – разъехались. Для Виргилии не составило труда заменить собой предназначенную для отправки в заложницы к гуннам княжну Тамиру. То, что кроме нее вождю аланов Джимиру отправлять будет некого, стало понятно, когда сын Джимира погиб в нелепой схватке на границе с Сирией. Подмена произошла прямо на тризне. Никто из аланов не удивился, что хохотушка Тамира резко изменилась. Все знали, что отныне она посвятила себя Тенгри – Единому богу Неба, чье царство находится на недостижимых ледяных вершинах у самых границ мира. Виргилия взяла себе имя княжны, ее место в племени, ее вещи, саму ее жизнь. Самой девушке осталось спокойное мирное счастье с любимым. Да и Джимир мог видеться с дочерью. Даже, наверное, внуков понянчил.

– Тамира! – знакомый голос вернул Виргилию в настоящее. К ней на холм взлетел Аттила. Хм, а солнце-то уже почти село. – Тамира! Вот ты где! Прибыл гонец. Завтра приезжает Флавий Аэций. Ты рада? – гунн спрыгнул на землю, заглянул прямо в глаза.

– А ты? – названная сестра легко улыбнулась.

– Не уходи от ответа. Я знаю: ты умеешь. Так ты рада?

– Да, Аттила. Я рада. К нам приезжает наш побратим. И я знаю, что это означает.

– Война! Самая настоящая! Римляне не мешали вандалам захватывать земли Византии в Мавритании. Византия вынуждена отправить туда свою лучшую армию. А еще умер покровитель Аэция в Риме. Императором провозгласили какого-то Иоанна. А Византия хочет посадить в Риме своего племянника. Правда, этот Валентиниан еще совсем ребенок. Но у него есть мать. И наставники. Византия направила вторую армию против Рима. Руа сказал, что набег за Данувиус возглавим мы с Бледой! – Аттила светился от счастья.

– Подожди. Если Аэций едет сюда, значит ему потребовалась помощь. Руа не даст воинов Аэцию. Но может дать их тебе. Чтобы ты помог другу, – Тамира едва не рассмеялась: такое разочарование было от ее слов на лице ее названного брата. – Да ты не огорчайся! Бледа на Данувиусе, ты – в Иллирии. Два удара. Руа сможет требовать с Византии больше золота.

– Все равно. Бледа-то точно покроет себя славой. А с Римом? Будут вилияния и переговоры.

– Если не пролив ни капли крови ты привезешь золота не меньше чем Бледа, это будет не меньшая победа. Впрочем, что гадать? Завтра. Все будет понятно уже завтра.

Флавий Аэций изменился. Как меняется любой мужчина на войне. Хм, не просто прошедший войну. Аэций испил чашу победы – поправилась женщина. Долгий взгляд глаза в глаза. Короткий поцелуй в лоб. Едва слышно произнесенное: «Ты все такая же». И все. Переговоры с Руа. Шестьдесят тысяч всадников под командованием Аттилы выступают через день в сторону Рима. Руа не возразил, когда Тамира заявила, что желает сопровождать названного брата. Бледа тоже промолчал. Зато не промолчал шут. Княжна лишь дернула губами, когда Зеркон посоветовал ей приклеить усы и бороду.

– Я-то смогу приклеить себе бороду. А вот ты, карлик, даже если приклеишь длинные ноги, спина-то все равно останется кривой. Может, надо как-то учиться? Гнуться в разные стороны? – она с удовольствием разглядела полыхнувшую в глазах уродца злобу.

Всю дорогу трое говорили о чем угодно, только не о войне и не друг о друге. Да и времени-то на разговоры оставалось только на коротких ночевках. Они, все же, опоздали. В шатер Тамиры заглянул воин:

– Койл Аттила зовет тебя, – койл – военный вождь, предводитель. Зовет.

– Что случилось? – княжна промчалась по лагерю, вбежала к Аттиле. Увидела лицо Флавия, догадалась: – Плохие новости?

– Армия императора Византии Феодосия заняла Равенну. Иоанн казнен. Его выдали. Сам город неприступен. Равенну невозможно взять штурмом. Это было предательство, – Аэций казался спокойным. Вернее, держал себя в руках. Быть бесстрастным он никогда не умел, да и не учился.

– Ну так давай ударим! – а вот Аттиле все нравилось.

– Ты не слышал? Равенну невозможно взять штурмом. Тем более, армией всадников. Это тебе не в чистом поле дикарей гонять. Брать город в осаду бессмысленно. Мы потеряем время. Кроме того, Иоанна уже не вернуть, – горечью сочился сам голос Флавия.

– Давай посадим на этот ваш трон тебя, – Аттила не огорчился.

– Брат, как думаешь, если я сяду на остриях твоих стрел, признает ли меня Византия?

– Нет, конечно!

– А примет ли меня, пришедшего с иноземными захватчиками, мой собственный народ? Молчишь? Я уже не говорю, что это будет отличный повод вернуться на эти земли готам. Их с таким трудом удалось поселить в Провинции!

– Если ты не хочешь войны, зачем тебе моя армия? – кажется, военный вождь гуннов обиделся.

– Аттила, ты сможешь сделать так, что император Феодосий посадит на трон своего племянника, но власть – настоящую власть – получит твой брат, – эх, княжна! Пришло твоё время?

– Это как? – оба уставились на нее, не очень понимая.

– Не уводи свою армию, – хохотнула сестренка. – А ты, Аэций, вступи в переговоры. Сам за спину не оглядывайся. Но стой так, чтобы войско гуннов, готовое к битве, всегда было за твоим плечом. Тогда те, с кем ты будешь говорить, будут смотреть только на него, а видеть тебя. Аттила! Прикажи своим воинам никого не трогать. Флавий, надо обеспечить армию фуражом, едой и водой.

– Да. Да, ты права, – префект римской конницы чуть не отдал салют в ответ на четкий приказ. В последний момент замер, осознав, кто стоит перед ним. Но колдунья из далекого племени аланов, действительно, была права. Опять. Снова. Всегда.

Через несколько дней новый римский император Валентиниан назначил Флавия Аэция магистром конницы в Галлии с правом ведения войны.

– Чего он недовольно ворчит? Что ему не нравится?! – Аттила почти не отпускал Тамиру от себя.

– Давай я с ним поговорю. Только позволь сделать это наедине, – княжна испытующе и почти умоляя, посмотрела братцу прямо в глаза.

– О чем? О чем ты с ним будешь говорить? И почему без меня?

– Аттила, ему сейчас нелегко. Ты же знаешь его понятия о чести. Он вынужден принять твою помощь. Позволь его гордости обойтись без лишних ударов с твоей стороны. Такие испытания могут повредить дружбе.

– Дай слово, что ты не...

– Не возлягу с ним как с мужчиной? Не бойся. Это не входит в мои планы.

В шатре Аэция Тамира сделала несколько пассов руками у входа.

– Что это было?

– Теперь нас не смогут подслушать. Вернее, стражники услышат ни к чему не обязывающие слова утешения и обещания дружбы.

– А ты, разве, пришла не утешить меня?

– Нет. Мне нужен твой доклад, магистр, – чеканная латынь, прозвучавшая из уст Тамиры, заставила Флавия вскочить на ноги.

– Ты кто?!

– Ты не должен этого знать. Доклад, магистр. Мне необходимо знать все о лимесах Ренуса, Шварцвальда, о провинциях Галлии, Британии, о продвижении вандалов в Африке.

– Вдоль укреплений на Нижнем Ренусе расселены союзные племена франков. По среднему и верхнему течению – бургунды. Они же оттеснили алеманов и маркоманов из Шварцвальда. Готы прошли вдоль Альп, расселены в Провинции. Сын Алариха Теодорих стал царем Тулузского царства. Вандалам Рим не помешал пройти по Испании, выйти к проливу, форсировать его. А сейчас тем более не помешает вождю вандалов Гейзериху завоевывать Карфагенских экзорхат Византийской империи.

– Как я понимаю, война с Сассанидами в Азии тоже более не в компетенции Рима?

– Так точно, – им обоим не требовалась карта, чтобы видеть всю картину. Италия отсечена от Галлии землями союзных готов. С запада и юга ей угрожают вандалы. Иллирия – проходной двор для Византии.

– И гунны. Которым ты показал дорогу к Риму.

– Я?! Но у меня был приказ! – кровь бросилась в лицо Аэция.

– Тем не менее. Шестьдесят тысяч. К порогу собственного дома ты привел их сам. Алариху потребовалось чуть больше воинов, чтобы взять Рим штурмом. Этими гуннами командует очень честолюбивый воин. Очень умный. Впрочем, своего побратима ты знаешь не хуже меня.

– Что мне делать?

– Дай Аттиле такие дары, которые заставят его забыть о войне. Пусть византийцы дадут ему такой почет, что он забудет о славе. Самому тебе потребуется создать на месте провинции Галлия несколько союзных государств. Нужна будет война. Только такая, чтобы они сами сражались за землю, которая скоро – всего лет через сто – и так будет их землей.

– Это пророчество?

– Это приказ, магистр! Иначе Римская империя погибнет бесславно. Растает как лед на солнце. Должны остаться наследники.

– А где я им битву возьму?

– Ты царства создай. По образцу империи. С законами, царями, армиями. В союз их объедини. Рах Romanus. Новый. А война... Придет к вам война, – что-то странное мелькнуло на лице княжны. Или, все же, не княжны? – Жди, – внезапно она оказалась совсем рядом и ее губы коснулись губ римлянина. Ему показалось, что его всего опалило пламенем. Но Тамира уже отстранилась. Несколько пассов руками: – Добрых снов, брат.

Аттила пребывал в восторге. Всю обратную дорогу он веселился, то и дело срывал коня на рысь:

– Ты видела?! Они все мне кланялись! И ты посмотри, сколько золота!

– Да. У Бледы не будет и половины того, что привезешь ты. А еще Руа наверняка поручил ему вернуть беглецов. Дело безнадежное. От вас бегут только римские поселенцы. Их Византия не выдаст никогда.

– Да. Пора ставить Византию на колени. Ты видела их город? Вот это стены! Но Аэций мне рассказывал, я помню! Есть такие машины, которые способны стены проломить. А еще я придумал: можно строить высокие башни и ставить на них лучников.

– М-да. Горе тебе, Византия, – усмехнулась княжна. «Впрочем, сама виновата: нечего было гуннов звать воевать против готов», – мысленно добавила уже Вергилия.

Все оказалось именно так, как она и говорила. Руа был крайне недоволен Бледой. Решил сам начать переговоры с византийским императором. Переговоры текли ни шатко, ни валко. Обе стороны старательно готовились к войне. Тут в город гуннов примчалась в сопровождении небольшого отряда какая-то девица. Тамиру по-прежнему не приглашали на совет. Но в этот раз за ней прибежала Ильдико:

- Приехала Кримхильда. Тамира, бургунды убили моего брата!
- Сигурда? – вот это новости!
- Хаген из Тороне убил его на охоте, а тело подбросил на порог Кримхильды!
- Этот мог.
- Он не мог! Он сделал это! Что же будет?
- Руа не преминет воспользоваться ситуацией. Будет война, Ильдико.

Это была не просто война. Гунны обрушились на государство бургундов опустошительным смерчем. Их столицу – Вангионум – сожгли дотла. В прекрасной долине реки Неккар не осталось ни одного живого человека. В решающей битве погибло около двадцати тысяч бургундов. Те, кто выжил, отошли за укрепления римлян. С римлянами гунны воевать не стали. Кримхильда исчезла из стана гуннов сразу после первого же боя. Горевать о женщине никто не стал. Аттила вернулся из похода. Тамира терпеливо выслушивала его рассказы о доблести и беспощадности гуннских воинов. Под конец гунн вздохнул:

– А Хагена убили. Не мы. Но я видел его тело – его повесили на дереве. Только весили уже обескровленного. Наверное, потому что там убивают воинов ударами в спину, они и проиграли. Аэций дал убежище остаткам народа Хагена. А я бы добил.

После этого набега переговоры с Византией весьма оживились. Император Феодосий исправно выплачивал золото. Даже начал отдавать выкуп за каждого беглеца. Но Руа этого показалось мало. С небольшим отрядом он выступил в сторону границ Византии. Вместе с ним отправился его наследник – Бледа. И, что почти никого не удивило, колдунья Тамира. Но то, что не удивило простых воинов, просто потрясло Аттилу:

– Зачем?! Зачем ты едешь с ними?!

– Тебе же сказал брат: я ему нужна, – она как всегда оставалась спокойной. Вот только Бледа не сказал младшему, зачем понадобилась колдунья. А перед этим вызвал ее к себе в шатер и приказал убить Руа. «Тебе дорог Аттила? Ты же любишь его. Если ты выполнишь мою просьбу, клянусь белыми пиками Тенгри, его жизни ничего не будет угрожать!».

Небольшая армия уже почти дошла до границы Византии. Случилась гроза. Руа заявил, что небесный огонь – это знак Тенгри и двинулся вперед. Воины оглядывались на Бледу и Тамиру, которая не отходила от наследника в этом походе. «Да, это знак», – бросила колдунья. Не сказала, правда, знак чего. А в следующее мгновение молния ударила прямо в Руа. Его обугленное тело положили в повозку, повернули в становище. Бледа всю дорогу молчал. Оставался последний дневной переход. Гонец примчался из облака пыли. Поскольку Тамира все время была рядом, она не могла не услышать: Аттила умирает.

– Ты же поклялся! – ее гневу не было предела.

– Я не нарушал клятвы! Я бы не посмел, – очень тихо произнес Бледа, заметив стремительный язычок пламени на пальцах женщины. – Если ты его спасешь, я выполню любую твою просьбу. Клянусь.

Еще никогда Тамира так не летела верхом на своем Огоньке. Наплевать на всех воинов, на то, что о ней подумают. Вот уже почти четверть века она здесь – в этом Тенгри забытом месте! И все – псу под хвост?! Ну, нет! Не позволю! В становище женщина ворвалась в покои Аттилы. Одного взгляда хватило, чтобы понять: яд. Была бы рана – никаких сложностей. Что-то, а исцелять раны за свою долгую жизнь Виргилия научилась мастерски. Болезнь? Не с ее кровником! Она тоже очень давно заметила, что, братаясь с кем-то, здорово улучшала

его жизнь – человека начинали обходить стороной лихорадки и прочие неприятности. А вот яды! Увы, она не Эритея. Даже распознать отраву – чертовски сложно. А уж лечить!

– Прости, родной, – оставался единственный способ. Она рассекла кожу на запястье больного, отсосала немного крови. Горечь. Вязкая горечь тут же наполнила рот. Слава Богу! Мышьяк. Ну, с этим-то даже она справится. Найти серу, молоко. Давать пить. Очень осторожно заживить все ранки, которые мышьяк разъедает в животе доступным только ей колдовским способом. Это просто. Как порез зарастить. Например, свежую царापину на запястье побратима. Всю ночь, день и еще день с ночью волшебница не отходила от больного. Наконец, он пришел в себя. Слабый, бледный открыл глаза. – Я рядом. Все уже хорошо. Тебе надо поспать.

– Не хочу. Ты мне нужна. Чтобы жить.

– Аттила?

– Один раз. Единственный. Подари мне его. Я состарился. А ты – такая же, как в день нашей встречи. Я смотрел на тебя, вдыхал твой запах, слышал твой голос все эти годы. Это расплата за мою трусость. Я должен был настоять, чтобы ты стала моей женой, – его руки нежно обняли ее. А его глаза говорили яснее слов. Виргилия сначала подалась вперед, к его губам, а потом все осталось где-то очень далеко. Она не ожидала, что этот мужчина может быть настолько чуток и ласков. Рассвет вполз в окно покоев. – Ты подарила мне больше чем жизнь. Ты вернула мне самого себя, – едва слышный шепот.

Он уснул. С первыми лучами солнца княжна решительно вошла в покои Ильдиго:

– Скажи, зачем ты отравила своего мужа? – и та поняла, что отпираться бесполезно. Глядя ненавидящими глазами на бывшую подругу, крикнула:

– Потому что он любит только тебя! Сколько раз, засыпая рядом со мной, он звал ту, кто никогда не возляжет с ним! Кто даже не видит в нем мужчины! Ты убьешь меня? Небесным огнем?!

– Нет. Тебя покарает Тенгри, – Виргилия развернулась, вышла. Заклятие будет действовать медленно. Его нельзя остановить. Вот же дура! От идиотской ревности этой дуры чуть не рухнуло все! Она вернулась к Аттиле. Он имеет право узнать первым. Едва гунн проснулся, колдунья коснулась губами его лба.

– Прощаешься?

– Я должна ехать.

– К нему? – во взгляде, голосе, даже в тихом дыхании – тоска.

– Флавию Аэцию угрожает смертельная опасность. Я чувствую. И я должна успеть. Как успела к тебе. Я не могу опоздать.

– Вернешься?

– Не знаю, смогу ли. Но мы еще увидимся. Ты веришь мне?

– Верю.

Ее никто не пытался задержать. Потому что Блеме она сказала, что выбирает свободу. Воля! Воля!! Воля!!! Виргилия знала, что все сделано верно. Она мчалась, и время послушно замерло в ее руке. Всаднице не требовались дороги, подставы – все прочь! Вихрем обрушилась на убийц, едва ворвалась во двор виллы. Ночью, в полной темноте разила, разила, разила. Неотвратно. Беспощадно.

– Да сколько же вас?! – уже несколько ударов пропущены. Это не страшно. Страшно, если кто-то прорвется в спящий дом. – Умерли они там, что ли?!

Заполосный крик раба заставил Аэция выскочить на звуки боя как был: в короткой тунике, босой, без оружия. Впрочем, хорошему воину требовались несколько мгновений, чтобы завладеть мечом. Дальше остался просто бой. Флавий уже знал, с кем сражается плечом к плечу. Когда враги кончились, подхватил падающую женщину. Та была ранена. Кровь на губах. Хриплый голос:

– Спрячь меня. Там, куда никто не зайдет. Сутки. Поклянись, что сам не зайдешь!

– Тамира!

– Клянись! Спасением души, – она знала, что Аэций христианин. Знала, какую клятву требовать.

– Клянусь.

– Помоги. Быстрее. Какой-нибудь сарай. Хлев. Овин – без разницы. Быстрее!

Он прижал ее к себе. Раненая закрыла глаза. От его плеча пахло мятой. Маслом лимонника. Потом, кровью. Хрупкой Виргилию не назвал бы даже Корд. Но Флавий Аэций – сильный. Донес. Осторожно уложил на сено. Действительно, сарай.

– Уходи. Сейчас. И помни. Сутки.

– Тамира!

– Да иди же!

Он выскочил прочь, закрыл дверь на засов. Сквозь щели тут же полыхнуло золотое сияние. Римлянин бессильно опустился на землю. Сутки. Надо подождать всего лишь сутки. Подбежали домашние рабы. Аэций приказал сжечь тела убитых врагов, под страхом смерти запретил близко подходить к сараю. Начал ждать. К вечеру велел приготовить покои, ужин, согреть воды, принести масла и одежду. Рабы шептались, что приедет важная гостья. Как только стемнело, Флавий не выдержал, устроился возле сарая. Сейчас, вот сейчас! Едва полыхнуло уже знакомое золотое сияние, бросился внутрь. Увидел, как женщина открывает глаза.

– Тамира! Ты!

– Все хорошо, – она встала. Даже на одежде не осталось никаких следов.

– Ты что, правда, колдунья? – вот не ожидала Виргилия даже не удивления – отчаяния. Словно обманула в чем-то хорошего человека. Он христианин, конечно. И-и? Что с этим делать?!

– Ты же знал, что у меня есть особый дар, почему тебя это удивляет и отталкивает? Я, что? Похожа на слугу дьявола? – вот только теологических диспутов ей сейчас не хватало!

– Нет. Нет! Ты – ангел-хранитель? – он готов был уцепиться за соломинку.

– Да нет же! Нет! Флавий! Я – Тамира! А ты слишком сильно ждал меня, вот и поверил в чудо. Ждал? – она шагнула к нему. Как когда-то. В его серых глазах – радость, граничащая с безумием.

– Я не просто ждал. Я люблю тебя. И всегда любил. И всегда буду любить. И мне все равно, кто ты. Потому что ты – здесь, со мной, – ожидание длинной в четверть века оборвалось внезапно.

Ужин? Горячая вода? К чему? Они оба знали, чего хотели. Оба шли навстречу, и больше не было между ними преград. Утро. Самые сложные разговоры случаются утром.

– Ты сбежала?

– Нет. Меня отпустили. После того, как я спасла Аттиле жизнь. Ты один на вилле. А где семья?

– Жена умерла. Сын у родни в Риме. Я не повез его в изгнание. Мальчишке надо учиться.

– И что дальше? – самый страшный вопрос.

– Я проиграл гражданскую войну. Мой противник погиб, но я проиграл.

– Хорошо. Значит, в Галлию поеду я.

– Ты?!

– Неужели ты думаешь, что я шутила в прошлый раз? – Виргилия приподнялась на локте, внимательно разглядывая лицо мужчины. – Это ты позволил бургундам скрыться в долинах Родануса?

– Они – да. Это было страшно, Тамира. Они пережили катастрофу. Кримхильда, к тому же, очень не вовремя убила Хагена. Да, он совершил преступление. Но убивать в спину военного вождя накануне битвы – это предательство. Никакая месть не оправдывает подлого

удара в спину. К тому же, именно она привела гуннов. Я согласился с судом Теодориха. Кримхильду удавили. Тело бросили в лесу.

– И?

– Что?

– Ты не понял? Гунны теперь знают дорогу не только до Рима. Но и до Ренуса. И Аттила придумал, как можно штурмовать города. Они готовы использовать стенобитные машины и тараны. А еще – строить башни для лучников и подводить их прямо к стенам города. Все, Флавий. Жди. Вопрос в том, насколько ты будешь готов к этой встрече. Как вчера на вилле: один против всех? Или командуя армией? На поле сражения. Спроси свою совесть. Ты, я знаю, не служишь императору. Ты служишь Риму. Так почему ты в изгнании?

– Что ты предлагаешь?

– Тебе известен способ вернуть себе власть.

– Опять ехать к гуннам?

– Вставать на колени, унижаться, питаться кореньями – все это честнее, чем посыпать голову пеплом в бессилии.

– Женщины не ведут такие разговоры. Хотя, будь ты обычной женщиной, скорее всего, мы бы не встретились. Тебя прислал Аттила?

– Скажем так, он был крайне недоволен тем, что я собралась ехать к тебе.

– А! Так он знает! – на лице воина, равного которому не было в Риме, расплылась самодовольная улыбка. За которую он тут же получил кулачком в живот:

– Вы – несносные мальчишки! Какими были, такими и остались! У обоих уже седина на висках, а все туда же! Ты можешь думать головой?!

– Я думал. Целый год думал. Это, действительно, единственное решение. И ты права. Я знаю, что Аттила рано или поздно приведет сюда гуннов. Я должен успеть. Я готов быть тем, кто позволит Риму уйти со славой. А не сгинуть в чреде прочих царств и империй. Надо будет убить – убью. Уже убивал. Предать не смогу.

– Аттила это знает, поэтому не сможет отказать тебе в помощи.

– Так и я тоже знаю. Поговорить с тобой – это как с самим собой. Не надо лгать и выворачиваться. Я благодарен Богу, что ты есть. Ты поедешь со мной?

– Я провожу тебя. Но, Флавий?

– Да?

– Отъезд можно отложить на день?

– Как прикажет моя повелительница.

Они выехали до зари. Аэций не взял с собой никого. Так, вещи в дорогу, сменные кони. Ничего больше не требовалось. Ночевать у костра? В лесу? С чего бы подобная ерунда напугала двоих воинов? Уже после переправы через Падус на ночевке Флавий сидел-сидел, а потом как-то враз закрыл глаза, привалился к дереву. Виргилия замерла. Доставать оружие? Не поможет оно здесь. Почти бесшумные шаги.

– Зачем? – первой заговорила она.

– Он просто спит. Я уйду – проснется. Надо поговорить, – высокий худой мужчина шагнул в освещенный круг, устроился рядом с огнем. Из пламени к его рукам метнулись саламандры, которых он ласково коснулся длинными чуткими пальцами. – Мы еще не готовы к большой битве. Как показала война с бургундами, Западу нечего противопоставить гуннской угрозе. И гуннов, как я понимаю, вел еще не лучший полководец.

– Ты верно понимаешь.

– Отвлеки их. Дай нам десять-пятнадцать лет. Пусть племена превратятся в государства. Сейчас все еще слишком хрупко. А гунны не дадут им второго шанса.

– Симон!

– Я знаю, что прошу слишком многого.

– И знаешь, что я не смогу отказаться. Поэтому пришел ты. Ни Эритея, ни Тиль. Даже Корд не рискнул. А тебе я не смогу отказать. Это подло.

– Значит, пятнадцать лет, – прочитать что-либо на лице Симона невозможно. Он коротко кивнул, встал, так же тихо ушел в темноту. Виргилия перебралась под руку к Аэцию. Тот проснулся было, почувствовал сонное дыхание женщины, снова расслабился, задремал.

В становище хоронили Ильдико.

– Ее лицо покрылось гнойными язвами, я вывез ее в поле и запретил к ней приближаться, – голос Аттилы звучал мертво.

– Я тоже потерял жену, – Аэций вспомнил, что рядом стоит его брат. – Лихорадка после родов. Мой сын растет без матери. Да и без отца.

– Я скажу Византии, что ты должен получить все то, что было у тебя отнято. Мои отряды уже на границе с ними, – гунн положил руку на плечо брата.

– Я не хотел бы принимать твою помощь. Но другого пути у меня нет.

– Тамира останется здесь.

– Это не мое решение. Она сама так решила.

А куда Византии было деваться после этого? Флавий Аэций не просто вернулся в Рим со славой. Полномочия, предоставленные ему императором, оказались почти безграничны. Он женился. У него родился второй сын. Аттила все это рассказывал Тамире. Они жили в одних покоях. Сначала женщина сама пришла к нему в ночь после похорон Ильдико, да так и осталась. Почти двадцать лет войны с гордой Византией. Пока не пал Наисс, у Феодосия еще оставалась надежда. Но после Наисса дорога на Константинополь распахнулась для гуннов настужь. Бледа удерживал брата от решительных действий. Погиб на охоте. Шута Зеркона Аттила зарезал собственной рукой со словами: «Ступай за своим господином!» Между столицей Византии и гуннами оставался лишь авторитет императора Феодосия, укрепленный чудовищными грудями золота – дань Византии гуннам выросла в два раза. Внезапно Феодосий упал с коня, сломал себе шею. Аттила тут же собрал всех союзных воинов: германцев Валамира, гепидов Ардариха, ругов, скиров, герулов, тюрингов. Бесчисленное дикое воинство, жаждущее крови. Обреченный Константинополь приготовился к смерти, напоследок отказался выплачивать дань.

И тут в ставку Аттилы прибыл посланец. Назвался евнухом римской принцессы Юсты Граты Гонории – старшей сестры императора. Передал даже не просьбу – мольбу – вождю гуннов спасти ее от брака со старым патрицием Геркуланом. Вместе с письмом и золотом в сундуке, переданном Аттиле, лежал императорский перстень.

– Кажется, так принято скреплять брачные узы в империи? Обменом кольцами? – Аттила насмешливо посмотрел на гонца по имени Гиацинт.

– Так угодно моей госпоже, – а что тот еще мог сказать? Стоя посреди небывалой армии? Взгляд умных серых глаз задержался на бледном лице единственной на совете женщины. Чего это она замерла чуть в стороне от высокого кресла Аттилы? «Чего-чего»? Виргилия не верила собственным глазам. Перед ней стоял Тиль. Лично. Настоящий Тиль. Это означало только одно: время пришло. Вот и состоялся призыв гуннов римской августой. Ну, не могла римлянка, будучи в здравом уме и доброй памяти, по собственной инициативе натворить такое!

– Хорошо же. Завтра ты отправишься к своей госпоже, чтобы передать ей ответные дары. С ними – только одно слово: «Жди».

Княжна Тамира резко повернулась, демонстративно покинула зал. Никто не удивился. Все знали, что она давно является единственной наложницей вождя. Но от предложения империи не отказываются. Тем более – из-за женщины. Даже – из-за колдуньи. За ней никто не осмелился пойти, как никто не посмел остановить ее, когда всадница промчалась из города прочь.

Виргилия сидела на холме, покусывала травинку. Там-то ее разыскал Тиль. Присел рядом. Сорвал полевой цветок, воткнул женщине в рыжие волосы:

– Так-то лучше.

– Идея с письмом, судя по всему, принадлежит Эритее. Августа-то хоть в курсе?

– О! Гонория в полном восторге!

– А Корд?

– Ну, наш друг очень занят в последнее время. Сначала помогал бургундам обустроиваться. Сейчас вправляет мозги готам. В том числе – из окружения матери императора. Та-то в первом браке была за дядей их нынешнего царя. О! А знаешь, что Хаген вернул золото нифлунгам? Успел перед смертью. Сказка, скажу я тебе, получилась – загляденье! Золото, конечно, уже не Корд принимал. Эритеечка постаралась. Русалкой прикинулась. Но самое смешное: эти сокровища, между прочим, реально везли воины императора Максена. В Британию. Там всякая утварь священная. Меч, опять же. Симон довез. До Гластонбери. Там он Иосифа Аримафейского когда-то похоронил. Вот и закопал. Рядом с могилой. После того как британцы приехали к Аэцию за военной помощью, а тот им отказал. Конечно, в Британии римлян почти не осталось. Так – вожди валлийцев. Их легендарного уже Анна ап Максена знаешь, как на самом деле звали? Антоний Донаций Григорий. Сейчас там Симон с Эритеей что-то мутят. У франков правят вожди со священной кровью самого раби Иешуа из колена Давидова. В Ирландии появился замечательный епископ христиан. Его там за святого почитать кинулись. Так и называют: святой Патрик. У бургундов правит сын Гундахара и валькирии Брунхильды Гундиох.

– Валькирии?

– Ну, это такие крылатые девы-воительницы германского бога Одина. Брунхильду Один лишил крыльев, а Сигурд помог Гундахару укротить ее.

– Пятьдесят лет. Всего пятьдесят лет. Европа готова к битве, в которой родится новый мир.

– Все как ты и предлагала. Помнишь?

– Помню.

– Тогда чего грустишь? О! Я же и тебе письмецо привез, – Тиль пошарился в рукаве, вытащил самый настоящий кожаный тубус. В тубусе оказался самый настоящий свиток пергамента. – Ну, не буду мешать, – посланник ушел также незаметно, как и появился. Впрочем, Виргилии было уже не до него. Одна безупречно ровная строчка. Простые слова. «Люблю. Жду. Аэций».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.